# Дневник графа Чиано,

министра иностранных дел фашистской Италии

# ДНЕВНИК
# ГРАФА ЧИАНО

министра иностранных дел
Фашистской Италии

БАЙРОЙТ

Druck: Lorenz Ellwanger, Bayreuth

# Предисловие
## к сокращенному американскому изданию.

Выросший в роскошном дворце «Палаццо Киджи» молодой, изящный и живой граф Чиано был зятем Муссолини и его министром иностранных дел; он вел дневник, в котором делал записи о планах и надеждах, о фальши и действительности итальянского фашизма в дни его славы и падения.

Дневник Чиано — это исторический документ. В нем приводится почти фантастическая история об итальянском блефе и надменности и о том, как успехи Гитлера в уничтожении европейской цивилизации захватывали дыхание у Дуче и вызывали у него бешеное желание добиться такого же престижа и для себя. Причины, стоящие за завоеванием Италией несопротивлявшейся Албании, бедственное вторжение в Грецию, некомпетентность важных на вид итальянских генералов и командиров, роль, которую сыграла семья Петаччи в окончательном падении Муссолини — все это безжалостно появляется на свет. Та надстройка, которая возвышалась над итальянским народом под именем фашизма, выступит в этом дневнике во всей своей пустоте.

Это рассказ об оффициальной жизни и взглядах итальянского министра иностранных дел занимает важное место среди многочисленных документов Оси, которые теперь найдены и опубликованы для внешнего мира. После того, как автор дневника, по приказанию его тестя Муссолини был расстрелян взводом стрелков, этот дневник был тайным образом вывезен из Италии вдовой автора, Эддой Муссолини-Чиано. Дневник дошел до нас неполностью. В нем имеется ряд пробелов и вдова автора занята в настоящее время поисками недостающих страниц.

### ОБ АВТОРЕ.

Граф Галеаццо Чиано, сын знатного дворянина Италии, был писателем с растущей популярностью в тот момент, когда Муссолини назначил его на пост фашистского министра иностранных дел. Втечение тех восьми роковых лет, когда он занимал свою должность, Гитлер и Муссолини создали Ось и составили заговор в отношении 2-й Мировой войны.

---

## Лица, упоминаемые в дневнике.

Чтобы облегчить знакомство с лицами, упоминаемыми в «Дневнике Чиано», составлен следующий список:

БАДОЛИО Пиетро, — итальянский маршал, главнокомандующий в Аббисинии.

БОТТАЙ Джузеппе, — один из фашистских вождей.

ГРАЦИАНИ Родольфо, — маршал, командующий итальянской армией в Ливии.

ГРАЦЦИ Эмануэль, — дипломат, прикомандированный к министерству иностранных дел.

КЛОУДИУС Карл, — глава экономической секции германского министерства иностранных дел.

ЛАЙ Роберт, — «нацистский» министр труда.

Сэр ЛОРЭЙН Пэрси, — английский посол в Италии.

ЛЮТЦЕ Виктор, — генерал германской армии и политик.

Фон МАККЕНЗЕН Ганс Георг, — германский посол в Италии (умер в октябре 1947 года во французской зоне оккупации в Германии).

СТАРАЧЕ Акилле, — итальянский офицер и политик; секретарь фашистской партии.

ФИЛИПС Уилиэм, — посол Соединенных Штатов в Италии

ФРАНСУА-ПОНСЕ Андре, — французский дипломат; посол в Италии.

---

5 января 1939 г. Дуче сказал мне, что он сообщил королю о предстоящем военном союзе с Германией. Тот, кажется, этим доволен. Он не любит немцев, но к французам питает отвращение.

9 января 1939 г. Я по секрету сообщил Стараче об этом союзном договоре. Я сделал ему следующие указания: оставаться спокойным, пока Чемберлэйн покинет Рим; затем, после его от'езда, постепенно усиливать пропаганду против Франции так, чтобы к тому моменту, когда союз с Германией будет опубликован, анти-французские чувства в народе были бы в достаточной степени возбуждены.

Дуче в дружеском тоне ответил на письмо Франко, уговаривая его всеми мерами добиваться окончания гражданской войны. Для Франко будет легко управлять страной, если он прежде добьется полных военных успехов. Престиж вождя в победоносной войне никогда не подлежит сомнению.

11 января 1939 г. Прибытие Чемберлэйна. В основном этот визит происходит в минорном тоне, поскольку ни Дуче, ни я, не видим в нем особенной пользы. Чемберлэйн, однако, такому

приему очень рад. Без сомнения, он еще помнит тот шум, с которым он несколько месяцев тому назад был встречен в дружеской Франции. ...

6 часов вечера. Конференция в Палаццо Венеция. Обсуждавшиеся вопросы были второстепенного значения и обе партии обнаружили свое вялое настроение. Как далеки мы от этих людей!

12 января 1939 г. Дискуссия, происходившая во второй половине дня, характеризовалась чувством озабоченности, доминирующим в Англии по отношению к Германии. Германское вооружение висит над Англией, как свинцовый груз. Если бы англичане ясно видели будущее, они были бы готовы на любые жертвы. Это еще больше убедило меня в необходимости Тройственного союза. Имея в своих руках такое орудие, мы могли бы достичь всего, чего мы хотим. Англичане не хотят войны. Они стараются как можно медленнее отходить на задний план, но бороться не желают. Муссолини с большой преданностью защищает Германию; втайне он имеет в виду планы — свои и Фюрера. Наши переговоры с англичанами окончились. Я сообщил по телефону Риббентропу, что этот визит Чемберлэйна был лишь абсолютно безвредным фарсом и поблагодарил его за позицию немецкой прессы.

26 января 1939 г. Когда я находился в клубе для гольфа, прибыло сообщение о том, что Барселона пала. Я известил об этом Дуче и договорился со Стараче о праздновании этого события во всей Италии. Остается лишь назначить время, потому что народ принял эту новость с большим энтузиазмом.

Дуче был также глубоко тронут. Он имел достаточные причины быть действительно довольным потому, что победе в Испании помогло имя Муссолини, проведшего эту кампанию храбро и твердо, даже в то время, когда многие лица, аплодирующие ему теперь, были раньше против него.

30 января 1939 г. Дуче очень заинтересован созданием милиции для парада I-го февраля. Он лично занимается большинством мельчайших деталей. Он проводит много времени у окна своего кабинета, скрываясь за синими занавесями и глядя из-за них на маршировку различных войсковых частей. Согласно его приказа, маршировка должна проводиться под звуки только труб и барабанов. Он сам выбрал палочку капельмейстеру и лично учит его движениям, которые тот должен делать. Очень часто он обвиняет короля в уменьшении физического престижа нашей армии для того, чтобы она гармонировала с его собственным «нездоровьем».

1 февраля 1939 г. Смотр милиции. В общем очень красиво

Войска еще не совсем готовы. Массы людей и стали. Вероятно, никто не любит в такой степени римского шага (шаг, введенный фашистами, имитирующий немецкий «гусиный шаг»), как я. Но упразднение больших оркестров при маршировке создает чувство утомительной монотонности.

14 февраля 1939 г. Дуче сказал, что в отношении Албании мы должны подождать двух событий: устройства испанских дел и союза с Германией. А пока что, мы должны распостранять самые разнообразные слухи; подобно осьминогу, мы должны замутить воду.

15 февраля 1939 г. Маленький личный эпизод: Стараче поймал почтенного Мартире, бывшего члена народной партии и фашиста с 1932-го года, пытавшегося запятнать мое имя, говоря, что у меня «злой глаз.» Мораль: Мартире должным образом закован в наручники и отправлен в тюрьму. Сам по себе этот инциндент незначителен, но из него можно сделать следующие выводы. Плохой: несоответствие морали некоторых людей, которым мы позволили подняться до нашего уровня, — с нашей моралью. Хороший: он доказывает психологическую позицию Дуче по отношению ко мне, поскольку он реагировал на это действие Мартире с такой неистовостью, какой Стараче никогда прежде у него не замечал.

Вечером собрался Большой Совет. Дуче рассказал мне о деле Мартире и выразил свое сожаление, что не был в состоянии его избить. И он добавил, что семнадцать лет нахождения его у власти не давали ему возможности получить удовольствие от нескольких дюжин дуэлей». (Дуэли фашистским правительством были запрещены).

19 февраля 1939 г. Дуче становится все более и более едким по отношению к Франции. Итальянцы уже ненавидят Францию, но Дуче имеет намерение втечение ближайших месяцев усилить эту ненависть до предела. Когда он начнет войну и побьет Францию, он покажет итальянцам «как должен быть установлен мир в Европе». Требовать контрибуции он не будет, но он разрушит все и многие города сравняет с землей.

22 февраля 1939 г. Дуче очень рад, что Франко решил присоединиться к анти-коммунистическому пакту. Испания, таким образом, становится живым и динамичным фактором. Те группы людей, которые пытались так жестоко критиковать наше вмешательство в испанские дела, может быть когда нибудь поймут, что на реке Эбро, в Барселоне и в Малаге были заложены фундаменты Римской Средиземноморской Империи.

12 марта 1939 г. Коронация святого Отца. Я присутствовал

на этой церемонии, как глава итальянской делегации. Папа был торжественен, как статуя; месяц тому назад он был кардиналом и лишь человеком среди людей. Сегодня кажется, что он действительно наполнен Святым Духом, вдохновляющим и возвышающим его.

15 марта 1939 г. Германские войска начали оккупацию Богемии. Это серьезная вещь, поскольку Гитлер уверял всех, что он не нуждается в присоединении к себе Чехии. Бесполезно отрицать, что все это приковало к себе внимание итальянского народа и несколько унижает его. Необходимо дать ему удовлетворение и компенсацию — Албанию.

Фюрер заявляет, что он действовал так потому, что чехи не хотели демобилизовать свои вооруженные силы, потому что они поддерживали сношения с СССР и потому, что плохо обращались с немцами. Такие предлоги может быть хороши для пропаганды Геббельса, но, говоря с нами, немцы не должны выставлять их.

Я нашел Дуче несчастным и подавленным этим сообщением. Он продолжает говорить об Албании, но, однако, он не сделал еще окончательного решения. По его мнению, даже оккупация Албании не могла бы уравновесить в мировом общественном мнении присоединение к Райху одной из богатейших территорий в мире, такой как Богемия. Слишком плохо! Я убежден, что наш поход на Албанию мог бы поднять мораль в стране.

16 марта 1939 г. У меня было еще одно совещание с Дуче. Теперь он думает, что в Европе установлена прусская гегемония. Поскольку дела приняли такой оборот, я спросил его не было ли бы для нас лучше скорее вступить в союз, чем поддерживать в будущем нашу полную свободу действий, согласно наших собственных интересов. Дуче решительно высказался в пользу союза. Я выразил свои опасения, что этот союз не будет так популярен в Италии и что Германия использует это преимущество, чтобы протолкнуть свою политику экспансии в центральной Европе вперед.

17 марта 1939 г. Дуче встревожен и мрачен. Таким я его вижу впервые. Даже во время «Аншлюса» он высказывал большее безразличие. Он поглощен хорватской проблемой. Он опасается, что Мачек (вождь хорватской национальной аграрной партии, сопротивлявшейся сербам) может об'явить независимость и стать под протекторат Германии. Он говорит: «В таком случае имеются лишь два выхода: или сделать выстрел против Германии первыми, или быть сметенными революцией, которую принесут с собой фашисты. На Адриатике никто не потерпел бы свастики.»

Я вызвал Маккензена и говорил с ним спокойно, но достаточно твердо. Я напомнил ему о заявлении Фюрера, что Средиземное море немцев не интересует и что на этом фундаменте мы и сформулировали политику Оси. Если же не придерживаться этой предпосылки, то Ось будет разбита.

19 марта 1939 года. Продолжение разговора с Дуче; за последние дни он много думал над нашей дискуссией и согласен с тем, что в настоящее время преподносить итальянскому народу мысль о союзе с Германией — невозможно.

20 марта 1939 года. Фон Маккензен привез ответ на мои заявления, сделанные в прошлую пятницу; Германия не интересуется судьбой Хорватии и признает превосходство итальянских интересов. Он повторил, что Средиземное море не является, не может и не должно стать немецким морем. Я сообщил об этом Дуче, который нашел это сообщение довольно интересным, «при условии, что мы сможем ему поверить».

21 марта 1939 года. Сегодня западные державы потеряли значительную долю своего престижа, который перешел к немцам. Сообщение о попытках создания «демократического блока» укрепило Дуче в пользу немцев.

27 марта 1939 года. Сегодня утром Дуче очень рассердился на короля, когда тот собрался с духом сказать ему, что не согласен с политикой Дуче в отношении Албании и не видит смысла начинать такое рискованное предприятие, чтобы захватить «несколько скал». В ответ на эти слова короля, Дуче сделал едкие замечания. Он сказал: «Если бы Гитлер должен был иметь дело с бесхарактерным королем, он никогда не смог бы захватить ни Австрии, ни Чехословакии» и продолжал горячо говорить, что монархия не любит фашизма, потому что фашизм является единой партией, а «монархия желает, чтобы страна была разделена на ряд партий, которые можно было бы натравливать друг на друга».

28 марта 1939 года. Пал Мадрид, а вместе с ним и другие города Красной Испании. Война окончена. Это новая грозная победа фашизма — может быть, величайшая до настоящего дня.

29 марта 1939 года. Чтобы вынести решение в отношении Албании я дважды виделся с Дуче. Армия, флот и авиация продолжают свою подготовку. Если король Зог не сдастся, мы пошлем в территориальные воды Албании свои корабли и пред, явим ультиматум. Если он будет настаивать на своем отказе, мы поднимем среди албанских племен восстание, об'явим свою декларацию и высадимся. Оккупировав Тирану, мы соберем албанских вождей на учредительное собрание, на котором

председательствовать буду я, и я предложу албанскую корону королю Италии.

Бадолио приходил к Дуче, чтобы сказать, что в отношении албанского предприятия он с Дуче согласен; его единственным предложением было мобилизовать больший контингент вооруженных сил.

31 марта 1939 года. Новости из Тираны подтверждают тот факт, что король готовится сопротивляться, что очень досадно, потому что я считаю, что в этой беспокойной и легко воспламеняющейся Европе сделать первый выстрел довольно опасно.

1 апреля 1939 года. Завтра албанский король получит новый проект договора. Или он его примет, и в этом случае я поеду в Тирану, чтобы присутствовать на торжественной церемонии подписания договора, или же он откажется. Тогда во вторник по всей Албании вспыхнут беспорядки, вызывая с нашей стороны необходимость вооруженного вмешательства.

2 апреля 1939 года. Дуче сообщил по телефону порядок погрузки войск на корабли, сказав, что порядок отправки будет сообщен вечером. Кажется, что король Албании не желает взять на себя ответственности за полную капитуляцию и намерен созвать Совет Министров, чтобы вынести это чрезвычайное решение.

5 апреля 1939 года. Я виделся с Дуче несколько раз. Он спокоен, зловеще спокоен и более, чем когда либо убежден, что в наши дела с Албанией никто вмешиваться не будет. Однако, он решил выступить и выступит, даже если бы весь мир восстал против него.

7 апреля 1939 года. Я встал в 4 часа. Стараче уже ожидал меня со многими новостями, среди которых была телеграмма от Зога на имя Дуче. В ней он подтверждал свое решение придти к военному соглашению и начать по этому вопросу переговоры. В 6 часов утра я на аэроплане отправился в Албанию. В 7.45 утра мы были уже в Дураццо. В Дураццо было видно очень мало людей. Но очевидно там имело место какое-то сопротивление, потому что я видел отряды жандармерии, охраняющие порт. Я проследовал в Тирану. Улицы были мало оживлены, но охраны видно не было. Люди ходили по улицам столицы довольно спокойно.

Я сообщил об этом Дуче, который был вполне удовлетворен тем обстоятельством, что международной реакции почти не существовало.

9 апреля 1939 года. Я возвратился в Рим на совещение с Дуче. Многие албанцы очень дружелюбно провожали меня на

аэродроме. Они дарили мне албанские флаги и просили взамен итальянские. Сегодня утром Тирана была украшена трехцветными итальянскими флагами.

Дуче счастлив.

10 апреля 1939 года. Реакция заграницей начала падать. Совершенно очевидно,что британские протесты предназначаются скорее для «внутреннего употребления», чем для какого-нибудь другого.

Новости из Албании хороши; военная оккупация проводится по плану и беспрепятственно.

14 апреля 1939 года. Прибыл Геринг. Я встретил его на вокзале и проводил в «Вилла Мадама». По дороге он обсуждал положение Оси, которое он считает грозным. Он сильно нападал на Польшу.

16 апреля 1939 года. Церемония передачи албанской короны королю Италии происходила в итальянском королевском дворце. Албанцы, которые, казалось, терялись в огромных залах «Кириналя», имели подавленный вид. Король принял корону неуверенным и дрожащим тоном; он бесспорно не из тех ораторов, которые умеют производить впечатление на присутствующих.

У меня было два продолжительных разговора с Герингом. Хотя он и говорит больше всего о войне, мне кажется, что он не совсем закрыл дверь для мира, — по крайней мере на ближайшие годы. Больше всего меня беспокоит его тон, в котором он описывает свои отношения с Польшей; это мне напоминает о подобных же методах, примененных несколько ранее к Австрии и Чехословакии. Но поляки без борьбы оружия не сложат.

29 апреля 1939 года. Совет министров. Некоторые решения для увеличения мощи вооруженных сил одобрены. Дуче очень недоволен. Он чувствует, — и вполне прав, что за внешним видом имеется мало сути. Я тоже такого мнения. В военных сферах было достаточно блефа и даже сам Дуче был обманут. Это был трагический блеф.

2 мая 1939 года. Сегодня генерал Карбоне согласился с сообщением о том, что положение с нашим вооружением — катастрофическое. Подобные сообщения я получал из многих источников, но не считал их серьезными. Но что же делает Дуче? Его внимание, кажется, поглощено главным образом внешней формой: надо много уделять внимания «существующей армии», если она плохо марширует или если какой нибудь офицер не знает как надо поднимать ногу в «римском шаге». Кажется, что действительная слабость нашей армии трогает его лишь до некоторой степени.

6 мая 1939 года. Миланский радушный прием, оказанный Риббентропу, рассеивает легенды, распостраняемые обычными полицейскими осведомителями о том, что северная Италия настроена сильно анти-германски. Размерами демонстрации я был удивлен.

Впервые я нашел своего германского коллегу в приятном и спокойном состоянии духа. Он хвастался не так много, как обычно. Конечно, он говорил, что втечение ближайших лет мы должны двигаться и туда и сюда, но замедление темпов немецкой динамичности является очень знаменательным фактором.

Согласно телефонного разговора с Дуче, союз — или вернее сообщение о союзе — решено было об, явить в пятницу вечером.

7 мая 1939 года. Когда Муссолини что нибудь получал, он всегда просил еще больше; и он попросил меня сделать публичное сообщение о двухстороннем пакте, который он всегда предпочитал тройственному союзу. Фон Риббентроп, все же в глубине души предпочитавший включение в этот пакт Японии, сначала поколебался, но затем попросил подождать до одобрения этого предложения Гитлером.

Последний дал по телефону свое немедленное согласие и сам принял участие в составлении соглашения. Когда я сообщил об этом Дуче, он выразил особенное удовольствие.

12 мая 1939 года. Среди албанской интеллигенции произошел небольшой шторм, дающий об'яснение тому, что человек двадцать было немедленно отправлено в концетрационные лагеря. Не должно быть ни малейшего признака слабости; новый режим должен характеризоваться справедливостью и силой. Предположено все дороги проводить к греческой границе. Этот план создал Дуче, который все больше и больше думает о том, чтобы при первой возможности напасть на Грецию.

17 мая 1939 года. Американский посол чувствует себя обиженным, особенно потому, что Дуче сказал, что Америка находится в руках евреев. Он хотел это отрицать, но использовал очень слабые аргументы. Он напирает на один пункт, а именно, что американский народ, который происходит из Европы, намерен заняться европейскими делами и было бы глупостью думать, что в случае вооруженного конфликта, он останется в стороне. Я сообщил об этом Дуче, который, кажется, этим не особенно встревожен.

21 мая 1939 года. Я прибыл в Берлин. Здесь происходят большие демонстрации явно добровольного характера. Мое первое совещание с Риббентропом. Ничто не изменилось в отношении того, что было сказано и решено в Милане. Он снова повторяет,

что Германия заинтересована в длительном мире и намерена его добиваться — по крайней мере года на три. Он настаивает на желательности включения в нашу систему Японии. Но поддерживает ту точку зрения, что СССР слишком слаб, чтобы оказать большую помощь западным демократическим странам, если бы даже он и стал на их сторону.

22 мая 1939 года. Мы повторили обсуждение более или менее тех же самых вопросв с Фюрером. Он заявил, что вполне удовлетворен пактом и подтвержает, что средиземноморская политика должна руководиться Италией.

Я нашел, что Гитлер чувствует себя хорошо, говорит спокойно, менее агрессивен. Немного постарел. Морщины вокруг глаз несколько углубились. Он спит очень мало. Всегда меньше нормы. Значительную часть ночи он проводит в окружении сотрудников и друзей. Фрау Геббельс является постояним членом таких собраний и она описывала их мне... И всегда говорит Гитлер! Он может быть Фюрером сколько ему угодно, но он все время твердит об этом и досаждает этим своим гостям. Впервые во внутренних кругах я слышу намеки о нежных чувствах Фюрера к одной прекрасной девушке.

23 мая 1939 года. (продолжение записи от 22 мая 1939 года).

Ее имя Зигфрид фон Ляппус. Они видятся часто и наедине.

Церемония подписания пакта была очень торжественной и Фюрер был искренне тронут.

Когда Геринг увидел на шее у Риббентропа орден Аннунциаты — его положение было высоко, но больше не поднималось — в его глазах показались слезы.

Фон Маккензен рассказал мне, что Геринг устроил сцену, жалуясь, что, поскольку он был единственным и истинным создателем нашего союза, орден в действительности должен бы принадлежать ему. Я обещал Маккензену, что я попытаюсь добиться ордена и для Геринга.

24 мая 1939 года. Возвращение в Рим.

По прибытии на вокзал, все высокие фашистские оффициальные лица приветствовали меня демострацией. Однако, мне ясно, что наш пакт больше нравится Германии, чем Италии. Мы должны понять, что ненависть к Франции еще не оказалась успешной для внушения любви к Германии.

25 мая 1939 года. Длительное совещание с Дуче. Он все еще продолжает свой анти-югославский и анти-греческий тон. Король с необычайной уверенностью сделал странное предсказание: «Наступит день,» сказал он, «когда Италия и Германия придут к соглашению с Англией. Тогда мир и прогресс будут

действительно надежными.» Дуче очень нападет на монархию и говорит: «Я завидую Гитлеру, что ему не нужно тащить за собой так много пустых багажных вагонов».

27 мая 1939 года. Сегодня в наших отношениях с Великобританией критический день. Дуче принял Пэрси Лорэйна по случаю его формального представления; но вскоре визит принял совершенно другой характер. Дуче, который обычно бывает очень вежлив и учтив, был на этот раз очень суровым; его лицо было похоже на лицо какого-то восточного бога, изображаемого сидящим на троне. Он начал свою речь заявлением, что в виду об'явления британской политики окружения, интересно было бы знать: остались ли еще какие нибудь ощутимые следы от соглашения, заключенного 16-го апреля?

28 мая 1939 года, (продолжение записи от 27-го мая). Лорэйн владел собой с трудом, но выразил сожаление, что точка зрения Муссолини была так далека от британской. Муссолини ответил, что время покажет, кто прав. Дуче сделал краткое и резкое замечание по поводу англо-советского союза и на том разговор неожиданно окончился.

Посмотрим, что теперь произойдет. По моему, британско-итальянское соглашение умрет, а вместе с ним, может быть умрет Чемберлэйн.

3 июня 1939 года. Церемония при дворе по случаю дарования албанцам конституции. Король спросил, кто составлял документ и в саркастическом тоне заметил, что на балканском флаге нет геральдических знаков династии. Я ответил ему, что это не совсем так, потому что на нем имеется синяя савойская лента и скандербергская корона. Это подействовало на него убедительно, но его дурное настроение осталось. Я сообщил об этом Дуче, который ухватился за этот удобный случай, чтобы «опустить рога и боднуть монархию». Дуче заявил, что он уже болен и устал от того, что тащит за собой «пустые багажные вагоны, которые еще вдобавок идут с заторможен- колесами» и что король — «маленький человек, брюзгливый и недостойный, который теперь заинтересован главным образом украшениями на флаге и не чувствует никакой гордости при виде того, что его территория увеличивается на 30 000 квадратных километров,» и в заключении: «эта монархия своей идиотской болтовней мешает фашистизации армии».

Дуче сказал: «я как кот, осторожен и благоразумен, но когда я прыгну, я наверное попаду туда, куда хочу. Я сейчас раздумываю над тем: не следует ли мне сразу же покончить с Савойским Домом?»

8 июня 1939 года. Пэрси Лорэйн передал в Лондон ответ на запрос, сделанный по адресу Дуче из Лондона. Чемберлэйн считает, что пакт от 16-го апреля находится в полной силе и надеется, что он мог бы иметь возможность для дальнейшего развития. Я не знаю, понравится ли такой ответ Дуче, который редко бывает удовлетворен одними словами и ему нужны действия — «крайние действия», как он говорит, — «ибо, в настоящее время ситуация является отрицательной; англо-турецкий пакт, гарантии, данные Греции и Румынии, переговоры с Москвой — все это является элементами политики окружения, которую Лондон проводит против нас.»

10 июня 1939 года. Военно-морской смотр; очень красиво. Кажется, что король Италии похвалил римский шаг и даже вспоминает некоторые исторический эпизоды, указывающие на его этическую ценность. Замечанием Дуче было: «Я хотел ему ответить: «Мой дорогой, торжественный идиот, мое распоряжение о том, чтобы ввести, было как раз в пику тебе».

13 июня 1939 года. Дуче вызвал меня к себе, чтобы поговорить о визите Франко. Он очень раздосадован неизбежным вмешательством короля (Италии), поскольку Франко является главой государства. Дуче говорит: «На этот раз я не хочу никакого вмешательства, имевшего место во время визита Гитлера. Если король не понимает, что он лишний, так я понимаю. Необходимо итальянскому народу указать на эту ситуацию, чтобы он мог, наконец, выбрать между мной и королем.»

14 июня 1939 года. Обед во французском посольстве — бесполезный, бесцветный, второстепенный обед, данный в традиционной дипломатической манере. Фактически о политике мы не говорили. Все же французская пресса подняла большой шум в связи с этим событием, которое, я повторяю, не представляет собой абсолютно ничего и оставляет наши отношения с Францией прежними — даже еще хуже, чем прежними.

7 июля 1939 года. В связи с передачей личного послания от Чемберлэйна, Пэрси Лорэйн очень суетился и явился, наконец, в «Палаццо Венеция». Само послание не представляет собой ничего особенного. Оно является чем-то вроде обвинения на немецкие притязания на Данциг и написано в минорном тоне, упоминая об опасности для мира всего мира, которая могла бы вытекать из таких притязаний. Дуче обсуждал это послание пункт за пунктом и некоторые из его аргументов поистине блестящи. В заключение, он дважды повторяет: «Передайте Чемберлэйну, что, если Англия готова бороться в защиту

Польши, то Италия возьмется за оружие вместе со своим союзником — Германией».

6 авг. 1939 года. У меня было совещание с Дуче. Король выразил намерение пожаловть мне орден Аннунциаты на шею. Дуче сначала уклонялся от этого, поскольку «орден мог бы привести к компромисам, которых лучше было бы не иметь,» но теперь он убежден, что желательно, что бы этот орден я бы имел.

Мы обсуждали наше положение. Мы пришли к выводу, что должны найти из него какой-то выход. Наши золотые резервы понижены почти до нуля, а мы еще далеки от окончания своей военной подготовки. Если наступит кризис, мы будем воевать, лишь бы только спасти свою «честь». Но мы должны избежать войны. Я предложил Дуче идею о моем свидании с Риббентропом, во время которого я мог бы продолжить обсуждение проекта Муссолини о мировой мирной конференции. Эта идея принята благосклонно.

7 авг. 1939 года. Дуче написал королю утонченное письмо, чтобы сообщить, что он одобряет дарование мне ордена Аннунциаты. Между прочим он пишет: «Моим долгом является заявить Вашему Величеству, что мы обязаны графу Чиано проникновением в Албанию, что позволило нам присоединить ее к себе почти без поражающего ее удара. Это само по себе уже заслуживает ордена.»

9 авг. 1939 года. Завтра вечером я уезжаю в Зальцбург на свидание с фон Риббентропом. Дуче озабочен тем, чтобы я документально доказал немцам, что возникновение войны в этот момент было бы глупостью.

Японский посол уведомил меня о том, что в Токио было решено присоединиться к нашему союзу. После такой неуверенности со стороны Японии, я хотел бы знать, правда ли это? С другой стороны, не сделает ли это обстоятельство Германию более заносчивой и не поможет ли ей довести кризис в отношении Данцигской проблемы «до точки кипения»?

11 авг. 1939 года. Решение воевать — подавить невозможно. Фон Риббентроп отвергает какое бы то ни было решение, которое могло бы дать Германии удовлетворение с тем, чтобы избежать войны. Я уверен, что, если бы даже немцам дали больше, чем они просят, они все равно начнут войну, потому что они одержимы демоном разрушения.

По временам, наш разговор становится очень натянутым. Я не колеблюсь выражать свои мысли с грубой откровенностью. Но это его не трогает. Мне становится ясно, как низко мы стоим во мнении немцев.

Атмосфера холодная. Мы друг другу не доверяем.

12 авг. 1939 года. Гитлер очень дружелюбен, но он также бесчуственен и неумолим в отношении своего решения.

Мне сразу становится ясно, что больше ничего сделать нельзя. Он решил воевать и он будет воевать. Все наши аргументы нисколько на помогают остановить его. Он продолжает повторять, что конфликт с Польшей будет носить лишь местный характер, но его твердое убеждение в том, что, пока он и Дуче еще молоды, должна быть проведена великая война — снова заставляет меня думать, что он действует ошибочно. Он весьма хвалит Дуче, но прислушивается с отдаленным и безразличным выражением лица к тому, что я ему говорю о неблагоприятном действии, которое произведет война на итальянский народ. То, что могло бы случиться с нами, немцев нисколько не интересует.

Я сообщил об этом Дуче в «Палаццо Венеция». Я возвращаюсь в Рим совершенно разочарованным немцами, их вождем, их манерами и поведением. Они обманывали нас и лгали нам прежде. Теперь же они втягивают нас в авантюру, которой мы не хотим и которая могла бы скомпрометировать наш режим и всю нашу страну. Когда итальянский народ узнает о нападении на Польшу, он будет в волнении и ужасе.

Дуче реагировал на это по-разному. Сначала он со мной согласился. Затем он сказал, что честь заставляет его итти нога в ногу с Германией. Наконец, он заявил, что хочет получить свою долю добычи в виде Хорватди и Далмации.

21 авг. 1939 года. Сегодня я говорил с Дуче прямо, отбросив всякую щепетильность. Когда я вошел в кабинет Муссолини, он подтвердил свое решение итти нога в ногу с немцами. Тогда я сказал: «Дуче, Вы не можете и не должны делать этого. Лойяльность с которой я служил Вам в проведении политики Оси, дает мне право говорить с Вами прямо. Я отправился в Зальцбург, чтобы выработать совместную линию действий. Я столкнулся лицом к лицу с диктатором. Немцы прежде уже предали союз, в котором мы были их партнерами, а не слугами. Разорвите этот пакт. Швырните его Гитлеру в физиономию и Европа признает в вашем лице законного вождя антинемецкого крестового похода. Хотите ли Вы, чтобы я снова поехал в Зальцбург? Прекрасно, я поеду и поговорю с немцами так, как с ними следует говорить. Гитлер не вырвет у меня изо рта сигареты, как он это сделал с Шушнигом.» Я выговорил ему все это и многое другое. Это произвело на него большое впечатление и он одобрил мое предложение, а именно:

просить фон Риббентропа приехать в Бреннер, чтобы поговорить с ним откровенно и подтвердить наши права, как партнеров Оси.

22 авг. 1939 года. Вчера вечером в 10.30 произошла сцена. Фон Риббентроп протелефонировал, что он предпочитает встретить меня скорее в Иннсбруке, чем на границе, потому что он должен будет потом уехать в Москву, чтобы подписать с советскими правительством политический пакт. Я снова говорил с Риббентропом по телефону и сказал ему, что наше предполагаемое свидание будет отложено до его возвращения из Москвы.

Долгий разговор с Дуче. Немцы, без сомнения, нанесли мастерской удар. Европейское спокойствие нарушено.

23 авг. 1939 года. Волнение из-за германско-советского пакта уступает место более здравой оценке этого события, которое, по моему мнению, не является основным. Франция и Англия трубят во все стороны, что вмешаются во всякий существенный конфликт. Японцы протестуют. Сообщения из Токио сигнализируют об их недовольстве, подчеркиваемым тем безразличием, с которым Япония держалась до сих пор.

24 авг. 1939 года. Я был на совещании с королем. Эта возможность была создана моим визитом, предназначенным для того, чтобы поблагодарить его за орден Аннунциаты. Он хотел знать новости о существующем положении. Я коротко информировал его о том, что случилось, но мне не следовало бы нападать на немцев, так как его собственное мышление явно враждебно по отношению к ним. По его мнению, мы абсолютно неспособны начать войну. Армия находится в «жалком» состоянии.

Офицеры итальянской армии недостаточно квалифицированы для этого, а наше снаряжени старо и вышло из употребления, настроение итальянцев явно анти-немецкое. Крестьяне идут в армию, ругая «этих проклятых немцев». По его мнению, мы должны, следовательно, ждать развертывания событий и ничего не предпринимать.

25 авг. 1939 года. Два часа дня. Мне сообщили о послании от Гитлера к Дуче. Я отправился с Маккензеном в «Палаццо Венеция». Двусмысленное послание дает понять, что вскоре начнутся действия и требует «итальянского понимания». Я использовал эту фразу, как предлог, чтобы убедить Дуче написать Гитлеру. Мы не готовы начать войну. Мы начнем ее, если они снабдят нас всем военным снаряжением и сырьем, в котором мы нуждаемся. Это не такого рода сообщение, которое я хотел бы сделать, но, во всяком случае, это уже кое-что.

26 авг. 1939 года. Берлин засыпал нас требованиями о составлении списков всего того, в чем мы нуждаемся. В три часа в «Палаццо Венеция» мы будем совещаться с начальниками штабов 3-х армий.

Мы пересматриваем списки. Они достаточно велики, чтобы убить быка, если бы бык мог их прочитать. Я остаюсь с Дуче и мы составляем послание Гитлеру. Мы заканчиваем его заявлением, что Италия будет совершенно не в состоянии вступить в войну без такого снаряжения. Вскоре приходит ответ Гитлера. Немцы могут дать нам лишь сталь, уголь и строительный лес. Он говорит, что понимает наше положение и настойчиво просит нас быть дружелюбными. Он предлагает уничтожить Польшу и побить Францию и Англию без посторонней помощи.

После того, как Маккензен ушел, Дуче написал Гитлеру ответ. Он снова выразил сожаление, что не может вступить в войну. Он опять предложил политическое решение вопроса. Его военный инстинкт и чувство чести вели его к войне. Теперь его рассудок оставил его. Его сотрудники в военной области сослужили ему плохую службу и пробудили в нем опасные иллюзии. Теперь он должен встретиться лицом к лицу с жестокой правдой. И это является сильным ударом для Дуче.

29 авг. 1939 года. Гитлер сообщил англичанам, что он «готов принять польского полномочного представителя», но он скептически относится к возможности разрешения этого конфликта, поскольку обе армии находятся друг от друга на расстоянии ружейного выстрела и малейший инциндент может вызвать столкновение.

30 авг. 1939 года. Положение снова обострилось Британский ответ не закрывает двери к будущим переговорам, но он не дает и не может дать немцам всего того, что они просят. Наша единственная надежда заключается в том, чтобы осуществить непосредственный контакт, но время проходит, а польский представитель в Берлин не приезжает. Вместо этого из Варшавы до нас доходят слухи о всеобщей мобилизации.

Дуче убежден, что «завтра произойдет вторжение». Естественно, что мысль о нейтралитете, о которой мы мечтаем, все чаще и чаще приходит ему в голову. Не будучи в состоянии вступить в войну, он делает к ней все необходимые приготовления, так что, в случае мирного разрешения этого вопроса, он, может быть, будет в состоянии заявить, что он вступил бы в войну. Призыв к оружию, затемнения, реквизиции, закрытие кафе и мест развлечения. . .

31 авг. 1939 года. Из Берлина прибыло немецкое коммюнике,

суммирующее все то, что произошло за последние несколько дней, включая и предложения, сделанные Польше. Они очень скромные, но во всей немецкой позиции есть что-то неясное. Эти предложения имеют некоторый успех, но в то же время видно, что они больше не подлежат обсуждению. Программа Гитлера, сообщенная мне в Бергхофе, выполняется пункт за пунктом. Сегодня начнется наступление, поскольку 31-е было назначено, как последняя возможная дата. Однако, Дуче думает, что переговоры все еще возможны. Я этого не думаю. В Берлине раздают бесплатно газеты с заголовками «Польша отказывает в наших требованиях! Наступление готово начаться!» В действительности, наступление началось в 5ч. 25 м. утра.

1 сентября 1939 года. Дуче спокоен. Он уже решил не вмешиваться и борьба, которая втечение нескольких последних недель волновала его дух — окончилась.

В 3 часа — Совет Министров. Дуче говорит кратко. Затем говорю я, в резком анти-немецком тоне. Повестка дня о невмешательстве Италии, уже с утра обсуждавшаяся Дуче, одобрена. Все присутствовавшие реагировали на нее очень хорошо. Даже те министры, которые были среди наиболее ярых сторонников войны, обнимают меня и говорят, что я сослужил стране большую службу.

3 сентября 1939 года В 11 часов прибыло сообщение, что Великобритания об'явила войну Германии. Франция сделала то же самое в 5 часов вечера. Но как они могут принимать участие в этой войне? Немецкое продвижение в Польше — сокрушающее.

7 сентября 1939 года. У Дуче все еще бывают воинственные вспышки. Когда он читает какую нибудь статью, в которой его политика сравнивается с политикой 1914 года, он стремительно становится на сторону Германии. Но он ничего не сделает.

8 сентября 1939 года. Немцы занимают Варшаву. Это сообщение очень взволновало Дуче. Он видит в этом некоторую возможность быстрого завершения конфликта, посредством предложений о заключении соглашений, выдвинутых Гитлером. Но я не думаю, что Гитлер может иметь достаточно здравого смысла, чтобы быть умеренным в своей победе; и еще меньше я думаю, что англичане, поскольку они вынули меч из ножен, расположены вложить его в ножны с бесчестьем.

11 сентября 1939 года. Сегодня Дуче впервые намекнул на возможность публичного оглашения заявления об итальянском невмешательстве. Конечно, он говорит, что это будет сделано по предварительному согласованию с немцами, но все же мы сделаем крупный шаг вперед.

17 сентября 1939 года. Сегодня вечером СССР вступил в Польшу. Большевики перешли границу под предлогом ликвидации беспорядков. Поляки оказали некоторое сопротивление, но что они могут сделать?

Риббентроп говорил со мной по телефону из Верхней Силезии. Он был спокоен и очень дружелюбен. Он сказал, что польская армия уже ликвидирована и что через 2-3 дня прекратится последнее сопротивление. Советское вторжение произошло согласно заранее намеченного плана.

18 сентября 1939 года. Вечером имел продолжительный разговор с Дуче. Я сообщил ему то, что узнал от генерала Грациани. В настоящее время наша действующая армия достигает лишь 10 дивизий. Остальные 35, будучи неполными по комплекту и плохо-снаряженными, приводятся в порядок. Дуче согласился, что это так и произнес несколько горьких слов по отношению действительного состояния армии, находящейся в настоящее время в таком тяжелом положении. Он хвастается нашей авиацией. Он имеет цифры, данные ему Вилле, которые мне кажутся абсурдно оптимистичными.

19 сентября 1939 года. Наиболее важным событием дня является речь Гитлера, которая может быть названа сдержанной и, может быть, даже порицающей нарушение мира. Его ссылки на нас дружелюбны и доброжелательны. Дуче польщен тем, что фюрер дважды упомянул его в свой речи.

23 сентября 1939 года. После долгого молчанья, Дуче, обращаясь к старейшинам Болоньи, произнес сегодня речь. Я видел его сейчас же после его речи. И как это часто бывает в подобных случаях, он находился в состоянии крайнего самодовольства. В отношении внутреннего положения, я сообщил ему мою нижеследующую точку зрения: никогда еще так сильно, как сегодня, не была страна сплочена вокруг нашего режима и Дуче. Говорить об убийствах, заговорах, пораженчестве и прочем было бы попыткой спрятаться в тень. Все национальное чувство обиды направлено лично против Стараче. Я бы не удивился, увидев смену охраны, которая, в виду состояния дел, была бы очень полезна.

26 сентября 1939 года. Втечение последних нескольких дней мы уже подозревали о том, что между Москвой и Берлином что-то произошло и сегодня, кажется, Риббентроп возвращается в Москву, чтобы подписать подлинный военный союз. Абсолютное молчание из Берлина. Как и всегда, нам ничего не говорят.

Вечером Москва подтверждает сообщение о визите фон Риббентропа, который прибудет туда завтра в 4 часа дня. Бер-

лин все еще молчит. Немцы готовятся нанести новый удар, не извещая об этом нас, а от Вены до Варшавы они нанесли уже несколько ударов. Я сообщил все это Дуче, который спрашивал меня по телефону о новостях, и я дал ему понять, что продолжать таким же образом и дальше — очень тяжело. Союз Москвы с Берлином является чудовищным союзом против текста и духа нашего пакта. Он является анти-римским и анти-католическим. Это возвращение к варварству, бороться с которым является нашей исторической задачей. Но сможем ли мы сделать это? Или не предрешен ли уже трагический исход всего этого?

29 сентября 1939 года. Мы узнали, сначала из прессы, а потом уже получили от посла — текст московского соглашения. Он касается полного раздела Польши, хотя в нем содержится что-то еще, что позволяет нам надеяться, что, по крайней мере с немецкой стороны, имеется некоторое намерение что-то сделать впоследствии. Однако, Дуче весьма пессимистичен и думает, что в виду существующего положения, попытаться разрешить конфликт мирным путем — почти невозможно.

30 сентября 1939 года. Меня вызвал по телефону Риббентроп. Он был более осторожен и вежлив, чем при предыдущих телефонных разговорах. Он выдвинул три предложения: 1) свидание Муссолини с Гитлером — может быть, в Мюнхене; 2) моя поездка в Берлин, где Гитлер хотел бы поговорить со мной о всей ситуации в целом; 3) совещание с ним на границе в Бреннере. Я сказал Дуче, что в настоящее время было бы желательно отбросить всякую мысль о его поездке. Подобное свидание могло бы поставить его в затруднительное положение. Я вызвал по телефону Риббентропа, который подчеркнул необходимость моего выезда — сегодня в 6 часов вечера.

1 октября 1939 года. Я нашел Гитлера очень откровенным. В Зальцбурге, внутренняя борьба в этом человеке, решившегося действовать, но еще не увереннго в своих средствах и расчетах — была очевидной. Теперь же, наоборот, он кажется очень уверенным в себе. Гитлер говорил почти два часа и приводил цифру за цифрой, не прибегая к записям. В отношении Италии его позиция такая же, как и прежде. Что прошло, то прошло. Теперь же он глядит в будущее и хочет, чтобы мы были вместе с ним. Наибольшее впечатление на меня производит его вера в конечную победу. Или он находится под действием галлюцинаций, или он действительно гений.

2 октября 1939 года. Франция и Англия должны сказать еще многое. Если это должна быть война, это будет беспощадная война. Всякий раз, когда Гитлер говорит о своем методе и

средствах ведения войны, его глаза зловеще сверкают. Я возвращаюсь из Германии с сильным убеждением, что если война будет продолжаться несколько месяцев, то победа немцев вполне вероятна; но чем больше будет она продолжаться, тем труднее будет победить.

Риббентроп не сообщил ничего — ни нового, ни интересного. Он лишь эхо Гитлера. Теперь он поглощен советским вопросом.

3 октября 1939 года. Я сделал Дуче доклад. Он не разделяет веры немцев в победу. Он делал довольно едкие замечания относительно внезапного под'ема славы Гитлера. Он был бы очень доволен, если бы она начала меркнуть и, надеясь на это, он предсказывает, что это когда нибудь произойдет.

6 октября 1939 года. Я сопровождаю Маккензена к Дуче, который должен вручить последнему текст речи Гитлера. Дуче говорил в очень дружественном тоне и сообщил ему, что итальянская военная подготовка продолжается уверенными и быстрыми шагами.

Когда мы остались одни, Дуче прочел речь Гитлера и комментировал ее очень благоприятно. Он думает о ней так напряженно и благожелательно, что вечером позвонил мне по телефону, чтобы сказать, что, по его мнению, война уже кончается.

Этого оптимизма я не разделяю. Нет сомнения в том, что эта речь вызовет во вражеском лагере некоторое волнение, которое будет разделено течением пацифизма. Но я имею слишком большое уважение к Франции и Англии, чтобы думать, что они попадут в западню, поставленную для них Гитлером.

13 октября 1939 года. Рень Чемберлэйна делает надежды даже самых упорных пацифистов слабыми. В голосе старого государственного деятеля чувствуется традиционная британская решимость. Дуче делает вывод, что всякая надежда на возможность достижения взаимного понимания теперь исчезла. Он собирался произнести речь, но отложил ее на неопределенное время. И хорошо сделал. В настоящий момент действительно лучше держать рот закрытым.

В Германии эта речь Чемберлэйна была принята с негодованием и яростью. Фон Маккензен приходил с просьбой от Риббентропа о поддержке в нашей прессе некоторых специфических пунктов этой полемики. Фон Маккензен до некоторой степени ею подавлен и ему не совсем удается скрывать свою глубокую антипатию по отношению к Риббентропу, которого он считает наиболее ответственным лицом за войну.

8 ноября 1939 года. Совещание с Бадолио. Он пессимистичен в отношении состояния наших вооруженных сил. Бадолио глу-

боко нейтрален, но в общем он предпочел бы воевать скорее против немцев, чем на их стороне.

9 ноября 1939 года. Покушение на жизнь Гитлера в Мюнхене вызывает скептическое настроение, а Муссолини скептичен более других. Или это является мастерским заговором со стороны полиции, перестаравшейся в отношении создания антибританского настроения среди немецкого народа, который совершенно индифферентен, или, если это было действительно покушение — это результат «семейной» ссоры внутренних кругов нацистской партии. Дуче усердно старался составить телеграмму, выражающую его восторг по поводу того, что Гитлер избежал опасности. Он хотел, чтобы телеграмма была теплой, но не слишком, потому что по его мнению, ни один итальянец не чувствует особой радости по поводу того, что Гитлер избежал смерти, а меньше всего — сам Дуче.

30 ноября 1939 года. СССР напал на Финляндию,

2 декабря 1939 года. Дуче принял фон Маккензена. Когда Дуче говорит с немцами, он не может удержаться от воинственной позиции. Ясно, что Риббентроп, который начинает барахтаться в болоте, делает всяческие попытки втянуть нас в войну. Во всяком случае, Дуче не проявил никаких особых действий и, что еще более важно, ясно подтвердил анти-большевистскую ориентацию нашей политики.

Фактически вся Италия негодует по поводу советского нападения на Финляндию и лишь чувство дисциплины сдерживает общественные демонстрации.

4 декабря 1939 года. Во всех итальянских городах происходят спорадические демонстрации студентов в защиту Финляндии, то есть, против СССР. Но мы не должны забывать, что когда люди говорят «Смерть СССР» они в действительности под этим подразумевают «Смерть Германии».

5 декабря 1939 года. Совещание с доктором Лай. Его визит в Рим носит чисто немецкий отпечаток.

Лай — грузный человек, который в прошлом был известным пьяницей, жившим в одном из притонов Кельна. Для выполнения дипломатической миссии, выбор этого человека не является слишком удачным. Он повторяет, как граммофонная пластинка лишь то, что его хозяин поручил ему сказать. В том что он сказал, нет ничего сенсационного, но он намекает на несколько важных вопросов: 1) что готовится нападение на Голландию под тем предлогом, что она не придерживается своей декларации о нейтралитете; 2) что Советскому Союзу предоставлены более или менее свободные действия в Швеции и Бессарабии;

3) что через несколько лет Германия предвидит конфликт с СССР; 4) что единственной мыслью Гитлера является продолжение войны.

6 декабря 1939 года. Франсуа-Понсе и я имели продолжительный разговор, в котором единственным важным пунктом является тот, что французы допускают также возможность того, что немцы смогут пробиться через линию Мажино, хотя думают, что они смогут потом разбить немцев на равнине.

10 декабря 1939 года. Муссолини становится все более и более раздраженным английской блокадой. Он угрожает контрмерами и местью.

16 декабря 1939 года. Я говорил в Палате. Моя речь имела большой успех, даже если не все заметили анти-немецкий яд, которым она была пропитана. По первому впечатлению, она казалась анти-большевистской, но по существу, она была анти-немецкой. Мне говорили, что по временам, немецкий посол не был в состоянии скрывать своей досады. Хорошо.

31 декабря 1939 года. Муссолини все еще страдает обычными, повторяющимися приступами про-германизма. Теперь он хотел бы дать Гитлеру какой-то совет, одновременно сообщая ему что Италия продолжает вооружаться. Но к чему же мы готовимся? Война на стороне Германии была бы преступлением и верхом глупости. Если это так необходимо, я согласен скорее на войну против Германии, но не на ее стороне. Точка зрения Муссолини — совершенно противоположная. Он никогда не будет воевать против Германии и когда мы подготовимся, он будет бороться на ее стороне против демократических стран. Но пока что, мы не должны говорить о войне — страна к ней совершенно не подготовлена: мы находимся теперь в худшем состоянии, чем в сентябре.

15 января 1940 года. Дуче опечален состоянием наших вооруженных сил, которое он, наконец, хорошо изучил. В настоящее время наготове имеется только 10 дивизий; к концу января их будет одиннадцать. У остальных войсковых соединений ощущается недостаток во всем. Некоторым из них не хватает 92% их вооружения и снаряжения. При подобных обстоятельствах просто глупо говорить о войне. Муссолини обескуражен до такой степени, что, кажется, чувствует симптомы новых приступов язвы желудка.

23 января 1940 года. Совет Министров. Военный бюджет. Дуче пользуется этим случаем, чтобы поговорить о международном положении. Он повторяет, что мы не можем втечение неопределенного времени оставаться нейтральными. Сохранение

нейтралитета до конца войны заставило бы нас играть вторую скрипку среди европейских держав.

25 февраля 1940 года. Гитлер произнес речь. В противоположность английским комментариям, считающим эту речь Гитлера самой обыкновенной, Дуче думает, что на этот раз фюрер хочет огласить свои мирные условия: признание принципа жизненно-необходимой территории для Германии и восстановление ее колоний. Эти условия мне представляются такими, что обсуждать их — было бы недостойно для Лондона, но Дуче считает их приемлемыми. Дуче еще раз подтвердил свою уверенность в том, что союзники эту войну проиграют и вся его политика основана на этом убеждении. Он снова говорит о претензиях к Франции, которое он основывает на необходимости выхода к открытым морям, без которых Италия никогда не станет империей.

28 февраля 1940 года. Вчера Дуче сказал, что в «Италии еще имеются некоторые преступники и дураки, которые думают, что Германия будет разбита. Я вам говорю, что Германия победит». Я согласен с эпитетом «дурак», если это относится ко мне, но я думаю, что «преступник» — это уже несправедливо.

Различные источники подтверждают, что Германия готовится на западном фронте к наступлению. Однако, в ближайшее время начаться оно не может; в кругах, близких к Герингу упоминается конец марта — благоприятный месяц, согласно предразсудкам Гитлера.

8 марта 1940 года. Театральный жест, дорогой рядовому немецкому сердцу: фон Маккензен сообщил, что в субботу в Риме будет Риббентроп, который привезет с собой ответ Гитлера к Дуче. Он торжественным тоном добавил, что Риббентроп сделает визит папе.

Право, все это мне не нравится. Это произведет на весь мир большое впечатление — как раз тогда, когда нам не следовало бы подливать масла в огонь. Более того, меня пугает связь Дуче с немцами. У него преобладает мысль о войне и она будет доминировать над ним еще больше, если на западном фронте начнется наступление. При существующем ныне положении, Риббентропу не понадобится большого ораторского искусства, чтобы воздействовать на Дуче в том, чего Дуче желает всей душой. Что же касается визита Риббентропа, то я считаю его величественным, но бесполезным жестом.

10 марта 1940 года. Встреча на вокзале довольно холодная. Толпа зрителей, собранная полицией с некоторым трудом, проявляла значительную сдержанность. Когда мы от'ехали, фон

Риббентроп произнес следующую высокомерную фразу: «В ближайшие месяцы французская армия будет уничтожена, а англичане, находящиеся на континенте, станут военнопленными.» При свидании с Дуче он повторил ему ту же фразу.

Фон Риббентроп привез с собой письмо Гитлера — длинный документ, в котором имеется много второстепенных вопросов, но в нем подчеркиваются два основных пункта: что он намерен решить этот конфликт при помощи оружия и что место Италии должно быть неизбежно рядом с Германией. Муссолини слушает и обещает дать ответ завтра.

11 марта 1940 года. На сегодняшней конференции Дуче выражает свои мысли спокойно. Он заявляет, что оставляя себе свободу в выборе даты, он предполагает вмешаться в конфликт и вступить в войну на стороне Германии; короче — присоединиться к ней. Тогда фон Риббентроп предложил, чтобы в ближайшем будущем состоялась встреча Гитлера с Муссолини в Бреннере. Дуче с живостью принял это предложение, которое я считаю довольно опасным из-за тех немедленных последствий, которые оно может, иметь, а также и вследствие ее влияния на будущее.

13 марта 1940 года. Фон Риббентроп сообщил по телефону, что свидание Гитлера с Муссолини состоится в Бреннере в понедельник 18 марта. Сначала Муссолини рассердился: «Эти немцы нестерпимы; они не дают времени ни вздохнуть, ни обдумать этот вопрос». Но затем он заключил, что поскольку встреча должна произойти, пусть она лучше произойдет сейчас же. Тем не менее Дуче нервничает. До сих пор он жил с иллюзией, что настоящая война не начнется.

18 марта 1940 года. В Бреннере идет снег. Муссолини ждет своего гостя с тревожным возбуждением. За последнее время он чувствует все больше и больше очарование фюрера. Причиной этого — являются военные успехи последного — единственные успехи, которые Муссолини действительно ценит и которых он жаждет. Встреча с Гитлером носит с обеих сторон дружественный характер. Это совещание является скорее монологом, чем чем-нибудь другим. Все время говорит Гитлер.

19 марта 1940 года. Разговоры о свидании в Бреннере продолжаются. Вчера в Риме это свидание истолковывалось, как шаг к миру и город ликует, что заставляет меня думать о том, как было бы трудно заставить его ликовать при об'явлении войны.

Я виделся с Самнером Уэлсом и коротко изложил ему создавшееся положение. Он рад, что угроза немедленного военного столкновения отсутствует.

Обдумывая свою встречу с Гитлером, Дуче пришел к выводу, что к сухопутному нападению Гитлер не подготовлен. Дело в том, что Муссолини чувствует себя обиженным тем, что в продолжение их беседы все время говорил Гитлер; он имел в виду кое-что сказать Гитлеру, а вместо этого был вынужден все время молчать — то, что, будучи диктатором, или скорее главой диктаторов, он делать не привык.

23 марта 1940 года. Муссолини теперь говорит откровенно о вступлении в войну на стороне Германии. Позиция Дуче начинает влиять на многих фашистских вождей.

31 марта 1940 года. Из многих источников до меня доходят слухи о том, что Дуче имеет в виду отстранить меня от Министерства Иностранных дел. Я этому не верю. Во всяком случае, если бы это и случилось, я был бы рад оставить эту работу, на которой нахожусь уже почти четыре года — и каких! — с высоко-поднятой головой. Все, что я до сих пор сделал, делалось мной с единственной целью послужить моей родине и моему Дуче. Это было истинной и интимной причиной моего неизменного чувства негодования по отношению к немцам со времен Зальцбурга. Но все это не имеет значения. Дуче сделает то, что захочет.

2 апреля 1940 года. В Совете Министров Дуче выражает свою воинственность. Он предполагает, что если мы останемся нейтральными, Италия, как великая держава, на целое столетие потеряет престиж среди других народов, и навсегда — как фашистский режим. Он говорил о средиземноморской империи и о выходе к океану. Он слепо верит в немецкую победу и в слова Гитлера в отношении нашей доли в добыче. Но, даже принимая немецкую победу, как совершившийся факт, разве можно быть уверенным в том, что Гитлер, еще никогда не сдержавший своего слова, данного им кому бы то ни было, сдержит свое слово, данное нам?

9 апреля 1940 года. В 7 часов утра Маккензен просит его принять и сообщает о решении Гитлера оккупировать Данию и Норвегию. Он не сделал к этому никаких замечаний, но полностью согласился со мной, когда я ему сказал, что реакция нейтральных стран, а особенно американцев, будет очень значительной. Затем он отправился к Муссолини, чтобы передать ему послание от Гитлера — обычное письмо, в обычном стиле, сообщавшее о том, что он уже сделал. Муссолини сказал: «Я вполне одобряю действия Гитлера. Этот жест может иметь неисчислимые последствия и это путь к победе. Демократические страны войну проиграли. Я отдам приказ прессе и итальян-

скому народу апплодировать этому немецкому шагу». Сияя, Маккензен вышел из «Палаццо Венеция».

11 апреля 1940 года. Срочное послание от Гитлера к Дуче. В 11 часов вечера я отправился с Маккензеном в «Вилла Торлония», где Муссолини, против своей привычки, ожидал нас. Он сильно простудился и был усталым, но обрадовался, получив послание от Гитлера. Сегодня он подготовил восторженный ответ. В нем он сообщает, что завтра итальянский флот будет готов и что наша подготовка в воздухе и на земле происходит ускоренными темпами.

Сегодня утром Муссолини был мрачен. Он возвратился после своего совещания с королем. Он сказал: «Король хотел бы, чтобы мы лишь подбирали обломки блюд. Я надеюсь, что они не будут разбиты о наши головы. И, кроме того, в то время, как другие нации пишут историю, сидеть сложа руки — унизительно Кто выиграет — это не так важно. Чтобы сделать народ великим, необходимо послать его в битву, если бы даже пришлось его подгонять сзади палками».

20 апреля 1940 года. Спустя 10 дней я нашел Муссолини более воинственным и про-немецким, чем обычно, но он говорит, что до конца августа ничего не предпримет – то есть до окончания подготовки и жатвы. Таким образом остаются лишь три месяца, могущих дать нам луч надежды.

28 апреля 1940 года. Письмо от Гитлера Дуче, в котором он сообщает последнему о военных успехах в Норвегии. Подобные письма, в общем, имеют мало значения, но Гитлер хороший психолог и знает, что такого рода письма входят прямо в сердце Дуче.

Папа направил Дуче письмо, в котором он хвалит его попытки сохранить мир и молится, чтобы в будущем Италия осталась бы вне вооруженного конфликта. Муссолини реагировал на это письмо скептически, холодно и саркастически.

1 мая 1940 года. Филипс имеет для Дуче послание от Рузвельта. По своему характеру, оно представляет собой предупреждение не вступать в войну, украшенное вежливыми фразами, но тем не менее — ясное. Если конфликт будет расти, то некоторые государства, намеревавшиеся остаться нейтральными, будут вынуждены сейчас же пересмотреть свою позицию. Конечно, Муссолини принимает все это с неудовольствием, считая, что Рузвельт открыто расположен к французам и англичанам. В то же время он мало что сказал, за исключением того, что вновь подтвердил право Италии на окно к открытому морю. Затем он сам написал ответ Рузвельту, резкий и враж-

дебный, в котором он приходит к выводу, что если доктрина Монроэ имеет значение для американцев, то такое же значение она имеет и для европейцев.

2 мая 1940 года. Первые, но проверенные известия о победе немцев в Норвегии, производят глубокое впечатление. Но речь Чемберлэйна производит даже еще более сильное впечатление. Она так безропотно пессимистична, что допускает возможность высадки немцев в Англии. Муссолини ликует. Он относится пренебрежительно к посылке англо-французского флота в Средиземное море, будучи убежден, что союзники никогда не воспользуются его преимуществами против нас.

4 мая 1940 года. Новое письмо Дуче от Гитлера содержит в себе подробности о развитии военных действий в Норвегии. Гитлер жалуется на чрезмерную быстроту достижения победы, которая не позволила ему вовлечь в битву больше английских сил наиболее эффективным образом и полностью их уничтожить. Тон письма впервые ироничен по адресу способностей союзников. В заключении он говорит, что намерен добиться победы на западе как можно скорее и что он вынужден сделать это из-за скрытых угроз американской интервенции.

10 мая 1940 года. Это предназначено для истории: вчера я плохо пообедал в немецком посольстве. Ни слова о положении. Когда мы вышли оттуда в 12.25, фон Маккензен сказал, что «может быть он должен будет побеспокоить меня ночью сообщениями, которые он ожидает из Берлина» и попросил мой личный номер телефона. В 4 часа утра он позвонил мне, чтобы сказать, что он приедет повидаться со мной и что мы вместе поедем к Дуче, так как он имеет приказание устроить с ним совещание точно в 5 часов утра. Он ничего не сказал по телефону относительно причины этого свидания. Когда он прибыл ко мне домой, у него был с собой большой сверток бумаг, которые, конечно, не могли прибыть по телефону. Он пробормотал извинения относительно дипломатического курьера, который оставался в отеле до тех пор, пока Маккензен получил из Берлина соответствующее распоряжение.

Мы вместе направились к Дуче, который, будучи предупрежден мной, уже встал. Он прочитал ноту Гитлера, в которой перечислялись причины подобных действий (вторжение в Бельгию и Голландию), а заканчивалась она вежливым предложением Муссолини вынести решение, которое он считает необходимым для будущего страны. Затем Дуче долго рассматривал приложенные к этой ноте документы. Наконец, часа через два, он сказал Маккензену, что убежден в том, что Франция и Англия

готовились напасть на Германию через Бельгию и Голландию. Он всецело одобрил действия Гитлера.

После того, как Маккензен ушел, Дуче вновь выразил мне свою уверенность в скором успехе нацистских армий и о своем решении вступить в войну. Я не преминул повторить ему, что нам лучше было бы подождать, что из этого выйдет. Мои замечания его лишь раздосадовали. В продолжении утра я нашел, что его идея о вступлении в войну становится все сильнее и сильнее. Эдда также была в «Палаццо Венеция» и, будучи пылкой, сказала своему отцу, что страна желает войны и продолжение нашей позиции нейтралитета было бы бесчестьем для Италии. Это такого рода речи, которые Муссолини только и желает слушать; только такие речи принимает он всерьез.

Никаких новостей с фронта, но судя по тому, что мы слышим, кажется, что у немцев дела идут хорошо.

Замена Чемберлэйна Черчилем принята у нас с абсолютным безразличием, а Дуче принял это с иронией.

12 мая 1940 года. Телеграмма, посланная папой правителям трех стран, куда вторглись немцы, рассердила Муссолини. За последние дни он часто повторяет, что папство — это рак, который гложет нашу национальную жизнь и что он намерен, если будет необходимо, ликвидировать эту проблему раз и навсегда. К этому он добавил: «Папе не следует думать, что он может вступить в союз с монархией, потому что я готов отправить их обоих на небо. Семи городов Италии будет достаточно, чтобы в одно и то же время сбить с ног и короля и папу (7 городов, упомянутых здесь, — это Болонья, Модена, Реджио, Парма, Фарли, Феррара и Равенна, то есть наиболее революционно настроенная часть Италии).

13 мая 1940 года. Муссолини начал говорить следующее: «Несколько месяцев тому назад я сказал, что союзники не победят. Сегодня я говорю, что войну они проиграли. Мы, итальянцы, уже в достаточной степени обесчещены. Всякое промедление нетерпимо. Не позже, чем через месяц, я об'явлю войну.» Сегодня я впервые ему не ответил. К несчастью я теперь ничего не могу сделать, чтобы обуздать Дуче. Только новый поворот в военных событиях может вынудить его пересмотреть свое решение, но в настоящее время дела у союзников настолько плохи, что на это нет никакой надежды.

15 мая 1940 года. Рузвельт прислал Дуче письмо. Тон изменился. Оно уже не в скрытом угрожающем стиле, как это было в прошлый раз. Оно является довольно обескураживающим посланием и в примирительном тоне. В нем Рузвельт говорит

о Евангелии Христа, но такого рода аргументы производят мало впечатления на Дуче, особенно теперь, когда он убежден, что держит победу в своих руках.

28 мая 1940 года. События этой ночи (то есть бельгийская капитуляция) заставили Муссолини поторопиться со своими планами, так как он убежден, что дело идет к концу и хочет выработать ряд притязаний, чтобы иметь право на свою долю в дележе добычи.

29 мая 1940 года. Сегодня в 11 часов в «Палаццо Венеция» было создано Верховное Командование! Редко я видел Муссолини таким счастливым. Он осуществил свою мечту — стал военным вождем страны, вступающей в войну. Это решение должно быть облечено в соответствующую форму.

У нас совершенно отсутствуют некоторые металлы. Накануне войны – и какой войны! — мы имеем в наличности только 100 тонн никеля.

30 мая 1940 года. Решение вынесено. Жребий брошен. Сегодня Муссолини показал мне свое письмо, отправляемое Гитлеру, о нашем вступлении в войну. Назначена дата — 5-е июня, если сам Гитлер не найдет удобным отложить ее на несколько дней.

4-го июня, после полудня, Муссолини предполагает произнести речь перед народом. Часом раньше я должен буду об'явить состояние войны Понсе и Лорэйну. Дуче хочет эту «формальность» опустить. Я настаивал на этом, чтобы по крайней мере соблюсти форму.

31 мая 1940 года. Новое послание от Рузвельта, на этот раз более энергичное. Напомнив нам о традиционных интересах его страны в Средиземном море, он утверждает, что вступление Италии в войну вызвало бы усиленное вооружение Соединенных Штатов и увеличение помощи союзникам в виде снаряжения и материалов. Я оставляю ответ за собой до тех пор, пока я посоветуюсь с Муссолини, но я экспромтом сказал Филипсу, что новую попытку Рузвельта постигнет судьба его предыдущих попыток и это не тронет Дуче.

1 июня 1940 года. Я передал Филипсу ответ Дуче. Вкратце он сводится к следующему: Америка имеет в Средиземном море не больше интересов, чем Италия — в Караибском море. Следовательно, настаивать Рузвельту на этом пункте — напрасно; наоборот, он должен помнить, что его настойчивость только укрепит положение Муссолини.

Маккензен передал Дуче ответ Гитлера в письменном виде. Сообщение о нашем вступлении в войну принято Гитлером с энтузиазмом. Однако, он просит, чтобы дата вступления в

войну Италии была бы на несколько дней отложена, так как он намерен произвести решительную атаку на французские аэродромы. Он предпочитает 11-ое — «счастливую дату для него».

2 июня 1940 года. Дуче написал Гитлеру ответ. Поскольку рекомендуется дату начала военных действий отложить — особенно дату окончания подготовки в Ливии, — Муссолини этим раздосадован. Все же он согласился на 11-ое июня.

4 июня 1940 года. На время войны, я выбрал себе военный пост. Я принимаю на себя командование эскадрильей бомбардировщиков на аэродроме в Пизе. Я избрал этот аэродром потому, что он ближе всего к Корсике и мне хочется находиться там, где я родился и где мой отец спит последним сном. Дуче мое решение одобряет, потому что предпочитает, чтобы я скорее стал «солдатом-министром», чем «министром-солдатом».

5 июня 1940 года. Немцы начали наступление на линии Соммы. Дожили ли мы до решительной битвы?

6 июня 1940 года. Я нашел Дуче разгневанным на короля по вопросу верховного командования. Его Величество написал письмо, в котором он повторяет, что он принимает командование на себя, доверяя в то же время Муссолини политические и военные операции. Муссолини находит, что это двусмысленная формула, посредством которой он получает то, что он все время имел в продолжении 18 лет». К этому он добавил: «После войны я попрошу Гитлера избавить меня от этого абсурдного анахронизма в виде монархии».

10 июня 1940 года. Об'явление войны. Муссолини говорил с балкона «Палаццо Венеция». Новость о войне никого не удивляет и не возбуждает большого энтузиазма. Я опечален, очень опечален. Авантюра начинается. Боже, помоги Италии!

17 июня 1940 года. Французы просят перемирия, а Гитлер, прежде чем продиктовать свои условия, хочет посоветоваться с Дуче в Мюнхене.

Я нахожу Муссолини неудовлетворенным. Этот внезапный мир его беспокоит. Дуче желал бы полной оккупации французской территории и сдачи французского флага. Но он сознает, что имеет лишь совещательный голос. Эта война выиграна Гитлером без всякого активного военного участия со стороны Италии и последнее слово в этом вопросе должен будет иметь Гитлер.

18 июня 1940 года. Во время поездки по железнои дороге немцы обращаются с нами очень приветливо. В Мюнхене встреча с Гитлером. Дуче и Гитлер заперлись на совещание.

Муссолини очень озадачен. Он чувствует, что его роль второстепенная. О своем совещании с Гитлером он сообщает без тени горечи или иронии и в заключении говорит, что немецкий народ имеет в себе зародыши разрушения, потому и должно произойти грозное международное столкновение, которое все сметет на своем пути. По правде говоря, Дуче боится, что приближается час мира и видит, что снова умирает его неотвязная мечта жизни: слава на поле битвы.

21 июня 1940 года. Альфиери (итальянский посол в Германии) сообщил немецкие условия перемирия. Я рассматривал их вместе с Дуче и Бадолио. Это довольно скромные условия, которые указывают на желание Гитлера быстро придти к соглашению. При этих условиях Муссолини не чувствует склонности выдвигать требования о территориальной оккупации. Это могло бы вызвать разрыв переговоров и создать настоящий разлад в наших отношениях с Берлином. Муссолини до некоторой степени чувствует себя униженным, потому что наши войска не сделали ни шагу вперед. Даже сегодня им не удалось выступить и они стоят перед первыми французскими укреплениями.

В Ливии один итальянский генерал сдался в плен. Муссолини скрывает это от итальянского народа: «Это материал, которого мне не хватает. Даже Микель-Анджело нуждался в мраморе, чтобы создавать статуи. Если бы он имел только глину, он был бы не больше горшечника. Народ, который в течение нескольких столетий был наковальней, не может за несколько лет стать молотом».

23 июня 1940 года. Французские парламентеры прибыли на немецких аэропланах. Мы встретили их в 7 ч. 30 м. вечера у «Вилла Инчиса» на дороге Кассия. Бадолио не скрывает своего возбуждения. Мы ждем пока французы выйдут из автомобилей и приветствуем их римским салютом. Они отвечают поклонами. Они не выказывают никакой гордости и, с другой стороны, — никакого унижения. Эта церемония длится всего минут двадцать пять.

7 июля 1940 года. Я прибыл в Берлин. Теплый прием. Совещание с Гитлером. Он склонен продолжать борьбу и излить на Англию бурю гнева и стали. Но окончательное решение еще не принято.

16 июля 1940 года. Гитлер прислал Дуче длинную телеграмму. Он сообщает, что атака на Англию есть нечто решенное, но отклоняет самым решительным и вежливым образом наше предложение послать ему на помощь итальянские экспеди-

ционные силы. Дуче очень раздосадован этим отказом, но он утешается распоряжением прессе отыграться на морской битве, происшедшей неделю тому назад. Но мы получили информации, даже из германских источников, что повреждения, нанесенные нами британскому военному флоту, почти равны нулю

27 июля 1940 года. После долгого периода молчания Дуче говорил с королем. Первым вопросом Его Величества было: не боимся ли мы, что Пруссия сможет вскоре сыграть скверную шутку также и с Италией? Этот вопрос вызвал у Дуче раздражение, потому что он обнаружил, что «ничто не изменилось в позиции короля, который в глубине души все еще надеется на победу Англии — то есть, на победу страны, где он всегда держал свои огромные богатства.»

10 августа 1940 года. Я сообщил Дуче о беспорядках, возникших на греческо-албанской границе. Дуче подумывает о применении силы, потому что еще с 1923 года собирается свести счеты с Грецией, «а греки себя обманывают, если думают, что он об этом позабыл».

Из Берлина приходит сообщение о дальнейшем промедлении в наступлении. Будет ли оно вообще? Когда? Мы ничего не знаем. Дело в том, что немцы обо всем держат нас в неведении, даже теперь, когда мы воюем на их стороне.

11 августа 1940 года. Немецкие воздушные силы просят, чтобы мы послали свои аэропланы для совместных с ними действий против Великобритании. Когда месяц тому назад мы им их предложили, они решительно отказались. Теперь немцы их просят. Почему?

17 августа 1940 года. Альфиери имел интересное свидание с фон Риббентропом. Его можно свести к следующему: 1) что немецкое правительство не желает, чтобы мы слишком тесно сблизились бы с СССР; 2) что необходимо отказаться от всяких планов нападения на Югославию; 3) что действия против Греции в Берлине не одобряются. Это настоящий приказ оставаться на теперешней позиции. Согласно слов фон Риббентропа, все силы должны быть сконцентрированы против Великобритании, потому что там и только там решится вопрос «жизни или смерти». Это заставляет меня думать, что, даже по мнению немцев, война предстоит тяжелая. Дуче сам продиктовал наше контрпредложение. Конечно, мы принимаем берлинскую точку зрения даже по отношению к Греции. Мы действительно откладываем в долгий ящик ноту, которую мы уже приготовили.

18 августа 1940 года. Ничего особенно важного. Только из Берлина поступил ряд многозначительных намеков, которые

заставляют нас ожидать, как совершенно неизбежную, решительную атаку на Великобританию. Муссолини убежден, что к концу следующего месяца война закончится победой и воцарится мир. По этой причине он хочет быстро продвигаться в Египет.

20 августа 1940 года. Грациани в поданном им рапорте сообщает, что все генералы высказались против наступления на Египет. Я укажу на это Дуче.

23 августа 1940 года. Дуче написал одно письмо, — идея которого исходит от Гитлера, – и получил интересное сообщение от Франко. Каудильо говорит, что Испания скоро вступит в войну. Он сообщает, что он уже связался с немцами, чтобы получить то, в чем имеется нужда.

1 сентября 1940 года. Разговор с Дуче. Он заявляет, что рад тому, что война продолжится еще в течение этого месяца, а, может быть, и в течение зимы, потому что это даст Италии время принести большие жертвы и, таким образом, даст ему большую возможность пред'явить наши права

7 сентября 1940 года. Совет министров. На этом заседании Дуче снова возбудил вопрос о нашем наступлении на Египет. Грациани просил отложить это на месяц. Бадолио эту отсрочку поддерживает. Муссолини накладывает на это вето, беря на себя ответственность за это решение. Если Грациани не начнет наступления в понедельник, он будет смещен. А что касается отдаленного будущего, то Дуче сказал, что сейчас уверен в том, что в промежуток времени с 1945 по 1950 годы между Осью и СССР вспыхнет война. К этому времени его программа вооружения в пределах сотни дивизий будет закончена.

8 сентября 1940 года. Грациани ответил, что он повинуется. Наступление начнется завтра. Многие военные специалисты относятся к этому весьма скептически.

9 сентября 1940 года. Поход в Египет вновь отложен. Грациани готовится начать действовать двенадцатого. Никогда еще никакая военная операция не предпринималась в такой степени против желания командования.

11 августа 1940 года. Начало наступления на Египет отложено на завтра. Даже генерал Карбони, который никогда не был слишком оптимистичным, говорит, что наше продвижение до Марса Матрук будет легким и что, может быть, мы достигнем даже Александрии.

Немцы продолжают предпринимать воздушные операции против Лондона. Каковы же в действительности результаты этого — мы не знаем в точности; кажется невероятным, но в Великобритании у нас нет ни одного осведомителя. Немцы же,

напротив, имеют там многих. В самом Лондоне есть немецкий агент, передающий по радио информации до 29 раз в день. По крайней мере, так утверждает адмирал Канарис.

14 сентября 1940 года. Наступление на Египет началось. В настоящее время британцы отходят без боя. Дуче считает прибытие итальянской армии в Марса Матрук великой победой.

17 сентября 1940 года. Кажется, что дела в Египте идут все лучше и лучше. Британцы отступают с непредвиденной быстротой. Муссолини сияет от радости. Он взял всю ответственность за эту кампанию на себя и гордится тем, что оказался прав.

19 сентября 1940 года. Прибытие Риббентропа. Он в хорошем настроениии, рад приветствиям, оказанным ему «апплодирующим взводом», который был удачно собран полицейским комиссаром. В автомобиле Риббентроп сразу же начал рассказывать о том сюрпризе, который он привез с собой: в ближайшее время в Берлине должен быть подписан военный союз с Японией. Что касается Англии, то фон Риббентроп говорит, что была очень плохая погода и что облачность мешала успеху больше, чем Королевские воздушные силы. Однако, как только наступят несколько дней хорошей погоды, вторжение в Англию будет осуществлено. Дессантная операция подготовлена и возможна. Английской территориальной защиты не существует. Одной немецкой дивизии будет достаточно, чтобы вызвать полную катастрофу.

22 сентября 1940 года. Заключительное совещание с фон Риббентропом. По своему кругозору оно является панорамным. Фон Риббентроп намекает на возможность того, что Ось возьмет на себя инициативу по срыву дипломатических отношений с Соединенными Штатами. Муссолини склонен к согласию. Я с этим не согласен, потому что, по моему мнению, мы должны любой ценой избежать конфликта с Америкой и потому, что оказали бы этим услугу Рузвельту, которому было бы выгодно представить себя на выборах под видом человека, на которого напали. Во всяком случае, это решение не срочное.

26 сентября 1940 года. Я на пути в Берлин. По распоряжению Гитлера, поезд останавливается в Мюнхене. Налеты английских Королевских воздушных сил сделали эту зону опасной, и фюрер не хочет подвергать меня риску длительного пребывания на открытой местности. Я продолжаю путь по воздуху.

27 сентября 1940 года. Пакт подписан. Процедура подписания происходила во многом тем же самым путем, что и подписание Пакта с Италией. Но атмосфера холоднее. Даже берлинская уличная толпа, сравнительно небольшая, состоявшая большей

частью из школьников, издавала громкие, но неубедительные приветственные клики. Япония далеко. Ее помощь сомнительна. Наверное лишь одно: война будет продолжительной. Это не радует немцев, которые раньше верили, что к концу лета война окончится. Зимняя война очень тяжела.

28 сентября 1940 года. Я имел с Гитлером два разговора: один формальный, после подписания пакта, а другой — на следующий день. О настоящем положении он не говорил. Он больше всего касался испанского вмешательства в войну, которому он противится, потому что оно вызовет больше расходов, чем принесет пользы. Он предложил встретиться с Дуче в Бреннере и я на это сейчас же дал свое согласие. Нет больше никаких разговоров о вторжении в Англию или о каком бы то ни было молниеносном сокрушении Англии. В речи Гитлера теперь проглядывает тревога за долгую войну. Он хочет сохранить свои вооруженные силы. Он говорил со своей обычной решительностью, с меньшей порывистостью, но с такой же твердостью, как и всегда.

2 октября 1940 года. Дуче очень озабочен нападением на Марса Матрук, которое должно будет вскоре иметь место, и очень рассержен на Бадолио, который не думает, чтобы эта операция могла бы быть проведена в октябре. Я говорил об этом с Грациани, потому что Дуче хочет знать, что тот думает об этом. Грациани полагает, что мы должны еще подождать, чтобы закончить наши приготовления.

Если наши пути снабжения не будут работать достаточно хорошо, мы должны будем отступать. А отступление в пустыне равносильно бегству.

4 октября 1940 года. Редко я видел Дуче в таком хорошем настроении и самочувствии, как сегодня в Бреннере. Встреча была дружеской, а разговоры — наверное, самые интересные изо всех, имевших место ранее. Гитлер выложил на стол, по крайней мере, часть своих карт и рассказывал нам о своих планах на будущее. Общее впечатление о них у меня таково: 1) больше нет никаких разговоров о высадке на британских островах, а сделанные ранее приготовления — законсервированы; 2) есть надежда привлечь Францию в орбиту анти-британской коалиции, поскольку теперь стало ясно, что англосаксонский мир все еще является слишком твердым орехом, чтобы его раскусить; 3) Средиземноморской области придается более важное значение, что очень хорошо для нас. Гитлер был энергичным и крайним анти-большевиком. «Большевизм», сказал он, «является доктриной народа, стоящего на низшей ступени

цивилизации». Риббентроп, напротив, был очень молчалив и заметно нездоров.

12 октября 1940 года. Дуче очень недоволен на Грациани, потому что последний снова слишком медлителен в выполнении его приказа перейти к наступлению. Дуче говорит о его замене.

Но больше всего он негодует на оккупацию немцами Румынии. «Гитлер всегда ставит меня лицом к лицу с совершившимися фактами. На этот раз я намерен отплатить ему его же монетой. Он узнает из газет, что я оккупировал Грецию. Таким образом, равновесие сил будет восстановлено».

17 октября 1940 года. Маршал Бадолио приходил повидаться со мной и мы имели с ним очень серьезный разговор о наших действиях в Греции. Три высших генерала нашего Генерального штаба единодушно высказались против них.

18 октября 1940 года. Я сделал доклад Дуче. Это вызвало у него стремительный взрыв ярости и он заявил, что лично отправится в Грецию, «чтобы быть свидетелем невероятного позора итальянцев, испугавшихся греков».

22 октября 1940 года. Муссолини подготовил Гитлеру письмо. Он намекает на наши предполагаемые действия в Греции, но не дает ясного понятия ни о форме их, ни о дате, потому что боится, что опять придет приказ, который нас остановит.

25 октября 1940 года. Риббентроп вызвал меня по телефону. Он предложил устроить совещание и его предложение принято. Оно должно произойти у Гитлера с Муссолини во Флоренции 28-го числа.

27 октября 1940 года. Многочисленные инциденты в Албании. Ожидают, что военные действия могут начаться в любой момент. И, однако, четыре дипломата, — немецкий, японский, испанский и венгерский, — которым я вручил текст нашего ультиматума Греции, были до некоторой степени удивлены.

28 октября 1940 года. Мы начали наступление в Албании и проводим совещание во Флоренции. И здесь и там дела идут хорошо.

На совещании во Флоренции оказывается, что германская солидарность нас не пересилила.

29 октября 1940 года. Погода скверная, но продвижение наших войск продолжается. В настоящее время дипломатическая реакция на Балканах довольно ограниченна. Никто не делает никакого движения в защиту Греции.

6 ноября 1940 года. Муссолини недоволен ходом дел в Греции. Враг сделал некоторые успехи и на восьмой день операций инициатива перешла в его руки.

8 ноября 1940 года. Дуче имел долгий разговор с Бадолио и составляет планы отправки войск на фронт. Натиск греков падает и резервов у них больше нет. Грациани, возвратившись из Афин, подтверждает, что внутреннее положение в стране очень серьезное и что сопротивление греков напоминает мыльный пузырь. Согласно его данным, Метаксас получил наш ультиматум, будучи в ночной рубашке и в халате, и был готов нам уступить. Он отказался уступить лишь после разговора с королем и вмешательства английского посла.

12 ноября 1940 года. Черный день. Англичане без предупреждения атаковали итальянский флот, стоявший на якоре в Таренто, потопили дредноут «Кавоур» и нанесли серьезные повреждения линейным кораблям «Литторио» и «Дуило». Эти корабли вышли из строя на много месяцев. Я думал, что найду Дуче, упавшим духом. Но он перенес этот удар очень спокойно и в настоящий момент, кажется, не совсем понимает его значение.

17 ноября 1940 года. Я уезжаю в Зальцбург. Сообщения из Албании неопределенные; отступление не исключено.

18 ноября 1940 года. После полудня я встретился с Гитлером в Бергхофе. Атмосфера была тяжелой. Гитлер пессимистичен и считает, что положение сильно осложнилось тем, что произошло на Балканах. Его критика открытая, твердая и безапелляционная. Я пытался с ним поговорить, но он не дал мне возможности сделать это.

19 октября 1940 года. Нахожусь в поезде на пути в Вену.

20 ноября 1940 года. Снова совещание с Гитлером. У него один из характерных приступов эмоций. «Из этого города в день об'явления союза я послал телеграмму Муссолини, в которой уверял его, что я никогда не забуду его помощи. Я подтверждаю это сегодня и заявляю, что я, со всеми своими силами, всегда буду готов к его услугам». У него в глазах показались две крупных слезинки. Что за странный человек! Он передал мне запечатанное письмо.

21 ноября 1940 года. Письмо от Гитлера Дуче написано в том же тоне, как и первая часть закончившейся конференции, — оно критическое и внимательное. Я ожидал стремительной реакции со стороны Муссолини. Но ничего не произошло. Он, кажется, не обратил никакого внимания на этот документ, который фактически является очень важным.

22 ноября 1940 года. Муссолини готовит свой ответ на письмо Гитлера – при вторичном чтении он понял всю его важность. «Он, действительно, целует мои пальцы», — такой он сделал

вывод из письма. Ответ краткий и спокойный. Он принимает политические и военные предложения Гитлера.

26 ноября 1940 года. Бадолио, после совещания с Дуче, подал ему прошение о своей отставке.

30 ноября 1940 года. Заседание Совета министров. Дуче направляет тяжелые удары на Бадолио из-за его военных действий. Тезис Дуче таков: Бадолио был не только с этим согласен, но и был даже сверх-энтузиастом. Политическая сторона вопроса была проведена превосходно; военные же действия полностью провалились. «Положения серьезно», сказал Дуче. «Оно могло бы даже стать трагичным».

4 декабря 1940 года. Муссолини вызвал меня в «Палаццо Венеция». Я нашел его обескураженным, как никогда прежде. Он сказал: «Ничего больше сделать нельзя. Это гротеск; это абсурдно, но факт. Мы должны просить о перемирии через Гитлера». Это невозможно. Я скорее пущу себе пулю в лоб, чем протелефонирую Риббентропу. Возможно ли, что мы потерпели поражение?

6 декабря 1940 года. Совещание с маршалом Мильхом, который спокоен и оптимистичен, как в отношении общего положения, так и в греческом вопросе. Письмо Гитлера, которое он имеет при себе, также значительно отличается от того, которое было прислано из Вены, и по форме и по содержанию. Албанские дела сведены до минимума; они представляют собой лишь эпизод в большой картине, в котором перспективы достаточно хороши. Все это принесло Муссолини большое облегчение.

10 декабря 1940 года. Сообщение об атаке на Сиди Баррани пришло как удар грома. Сначала оно не показалось серьезной вещью, но полученная потом телеграмма от Грациани подтвердила, что нам нанесен большой удар. Муссолини очень спокоен. Кажется, что все происшедшее нисколько его не касается; его больше волнует престиж Грациани.

Речь Гитлера не производит хорошего впечатления. Она имеет скорее защитный, чем вызывающий характер и чувствуется, что Италия играет в его планах весьма второстепенную роль.

11 декабря 1940 года. В Ливии дела, действительно, очень плохие. Четыре дивизии можно считать уничтоженными, а Грациани ничего не сообщает о том, что можно сделать, чтобы отпарировать этот удар.

13 декабря 1940 года. Я был у Муссолини и нашел его весьма потрясенным. Я ничего не хотел ему сказать, но хотел дать понять, что я с ним — более, чем когда бы то ни было

прежде. Он понимает как чувствует этот удар страна. Он слушает мои предложения сделать что нибудь, чтобы поднять мораль народа. Мы должны найти дорогу к сердцам итальянцев. Мы должны заставить их понять, что в этой игре на кон поставлен не фашизм, а наша страна, наша вековая страна, страна, принадлежащая всем нам, которая выше людей, времен и партийных клик.

15 декабря 1940 года. Я нашел Дуче спокойным, но негодующим по отношению Грациани вследствие длинной телеграммы встречного обвинения, в которой он бранил Дуче, что тот допустил, чтобы римские военные советники обманули его. Муссолини прочел ее мне и сказал: «Вот еще один человек, на которого я не могу сердиться, потому что презираю его». Дуче все еще верит, что британское наступление на подступах к Дерне может быть остановлено.

В Албании имеет место также отступление, которое Кавальеро считает не серьезным, а имеющим чисто стратегическое значение для врага.

25 декабря 1940 года. Рождество. Дуче мрачен и снова говорит о положении в Албании. Он кажется более усталым, чем обычно, и это меня очень печалит. Теперь энергия Дуче является нашим главным рессурсом. Он не верит больше Кавальеро: он говорит, что его оптимизм подобен пению человека, боящегося остаться одному в комнате.

31 декабря 1940 года. Кавальеро передал мне копию письма, адресованного Дуче, в котором он просит его разрешить ему начать наступательные действия крупного масштаба вдоль побережья. Это похоже на предложение зайцу бежать на перегонки. Никто так не кусает себе губы, как Дуче при мысли об этой нескончаемой защите, которая день за днем заставляет его глотать горькие пилюли.

5 января 1941 года. С четырех часов вчерашнего дня радиостанция в Бардии замолчала. Мы знаем только то, что проскальзывает в британских сообщениях. Сопротивление наших войск было непродолжительным — вопрос нескольких часов. И, однако, недостатка в оружии у них не было. Почему они не продолжали битвы дольше?

Я протелеграфировал Альфиери об устройстве свидания Гитлера с Муссолини в промежутке времени с 12 по 19 этого месяца. До сих пор Муссолини все еще медлит. Он не хочет встречаться с Гитлером, будучи обремененным этими многочисленными неудачами, пока они не будут, хоть частично, заглажены.

10 января 1941 года. Встреча двух вождей назначена на 19-е,

в Берхтесгадене. Муссолини в превосходном настроении вследствие воздушной и морской битв, происходящих в настоящее время в Сицилийском проливе и идущих для нас очень хорошо. Британский авианосец и два истребителя в пламени.

11 января 1941 года. Вчерашнее сообщение о воздушной и морской битвах было, может быть, несколько преувеличено. Мы еще не можем установить был ли потоплен британский истребитель. С другой стороны, мы имеем очень хорошие сообщения о ходе дел в Албании. Но стена сопротивления, та знаменитая стена, образования которой мы ожидаем в течение 70 дней, все еще не образовалась.

18 января 1941 года. От'езд в Зальцбург. Муссолини прибыл в поезд нахмуренным и нервным. Он потрясен сообщением из Албании. Мы снова получили «пинок в штаны», оставив много пленных в руках врага. Серьезным является то, что в это число входит и дивизия «Волков Тосканы», которая имела превосходную репутацию и славные традиции и на которую мы возлагали большие надежды. Дуче повторяет свои пессимистические замечания по поводу армии и итальянского народа.

19 января 1941 года. Мы прибыли на какую-то маленькую станцию. Я думаю, что это Пух. Гитлер и начальники его штаба ждали нас на платформе, в снегу. Встреча дружеская и, что меня удивляет больше всего, — искренне дружеская. В воздухе не чувствуется никаких соболезнований — тех соболезнований, которых так боялся Муссолини. Муссолини говорит, что он нашел Гитлера настроенным очень анти-советски, преданным нам и не слишком решительным в отношении того, что он будет делать в дальнейшем против Великобритании.

20 января 1941 года. Было много разговоров; наиболее важные из них происходили в понедельник, в присутствии военных экспертов. В продолжение двух часов Гитлер говорил о своем вмешательстве в греческий конфликт; сначала он рассматривал этот вопрос с технической точки зрения, а затем подвел под него общую политическую платформу. Я должен согласиться с тем, что он делал это с необычайным мастерством. Наши военные этим подавлены.

21 января 1941 года. Результаты встречи, в общем, хорошие. Между странами Оси имеется полное согласие и мы будем вместе маршировать на Балканах. На обратном пути Муссолини был в том ликующем настроении, в котором он всегда бывал после встречи с Гитлером.

25 января 1941 года. Я попрощался с Дуче. Завтра вечером я присоединяюсь к своей авиационной группе в Бари.

(С 26-го января по 23 апреля включительно никаких записей в дневнике не сделано. Чиано 26 января присоединился к своей авиационной группе в Бари, и записи в дневнике возобновились лишь в конце апреля).

27 апреля 1941 года. Фон Маккензен прибыл ко мне домой в час ночи и мы вместе отправились в «Вилла Торлония», где нашли Муссолини полусонным, но довольно вежливым. Гитлер сообщает, что греческий генерал Тсолакоглу — или что-то в этом роде — готов организовать в Афинах греческое правительство, с которым мы могли бы начать переговоры о капитуляции Греции. Он склонен к этому.

28 апреля 1941 года. Это дело с Тсолакоглу мне нравится все меньше и меньше. Хотя территориальная оккупация страны является уже фактом, ясно, что этот генерал предлагает сохранить национальное и этническое единство Греции, а немецкое потворство этому также очевидно. Я боюсь, что мы достигнем таким образом немногого.

12 мая 1941 года. В странном немецком коммюнике об'явлено о смерти Гесса во время несчастного случая с аэропланом. Я не могу скрыть своего скептицизма в отношении правдивости этой версии. Я даже сомневаюсь: мертв ли он, вообще.

13 мая 1941 года. Дело Гесса имеет оттенок сенсации. Первый человек после Гитлера, человек, державший в течение 15 лет в своих руках самую мощную немецкую организацию, совершил посадку на аэроплане в Шотландию. Он скрылся, оставив Гитлеру письмо. По моему, это дело очень серьезное — первая реальная победа англичан. Сначала Дуче думал, что Гесс сделал вынужденную посадку, находясь на пути в Ирландию, чтобы устроить там восстание, но теперь он разделяет мое мнение об исключительной важности этого события.

Фон Риббентроп неожиданно прибыл в Рим. Он обескуражен и нервничает. Он хочет провести со мной и Дуче совещание по ряду вопросов, но, в действительности, есть только один вопрос: он хочет информировать нас о деле Гесса. Официальной версией является та, что Гесс, будучи больным и физически и умственно, был жертвой пацифистских галлюцинаций, и отправился в Англию в надежде ускорить мирные переговоры Поэтому он не является изменником; отсюда вытекает: что бы он ни сказал, или что бы ни было напечатано от его имени — все будет ложью. Немцы хотят обелить себя прежде, чем Гесс будет говорить и откроет тайны, которые могли бы произвести в Италии большое впечатление. Муссолини успокоил фон Риббентропа, но потом мне сказал, что, по его мнению,

дело Гесса является ужасным ударом для нацистского режима.

14 мая 1941 года. Тем временем дела в Японии идут не так хорошо, как должны бы итти, а в СССР — еще хуже. Когда Дуче спросил об этом Риббентропа, тот уклонился от определенного ответа и только сказал, что если Сталин не будет осторожен «с СССР будет покончено за 3 месяца». Глава военной информационной службы, на основании сведений, полученных из Будапешта, говорит, что вопрос с нападением на СССР уже решен и что оно состоится 15-го июня.

26 мая 1941 года. Я виделся с Боттай. На наше внутреннее положение, которое характеризуется сильным и опасным влиянием на Дуче со стороны семьи Петаччи и их друзей, — он смотрит пессимистически. Подобно всем остальным, принадлежащим к данному кругу лиц, такие люди создают интриги против тех, в руках которых находится некоторая законная и конституционная власть, и Боттай этим и об'ясняет холодную и почти враждебную позицию, которую занял Муссолини по отношению к высшим фашистским чиновникам.

28 мая 1941 года. Речь Рузвельта. Она является очень сильным политическим документом, хотя и не совсем ясна в отношении плана действий. Муссолини поносит Рузвельта, говоря, что «еще никогда, на всем протяжении истории ни одна нация не возглавлялась паралитиком. Были лысые короли, толстые короли, красивые и даже глупые, но никогда еще не было короля, который, чтобы пойти в ванную или к обеденному столу, должен был быть поддерживаемым другими людьми». Я не знаю, является ли это исторически точным, но бесспорно, что Рузвельт является личностью, по отношению к которой Дуче чувствует величайшую враждебность.

31 мая 1941 года Гитлер сообщил, что он желает как можно скорее устроить с Дуче совещание: завтра или послезавтра. Ни приглашение, ни его форма Дуче не нравятся. «Я уже болен и устал от поездок». И он решил встретиться в Гитлером послезавтра в Бреннере.

2 июня 1941 года. Я просуммировал все наши разговоры. Общее впечатление таково, что в настоящий момент Гитлер не имеет точного плана действий. Величайшая надежда немцев теперь возложена на действия их подводного флота. Дуче убежден также, что компромиссный мир был бы принят немцами с энтузиазмом. «Они теперь уже больны от побед. Теперь они хотят такой победы, которая принесла бы с собой мир.» Атмосфера при встрече была приятной. Муссолини говорит, что

во время его частной беседы с Гитлером, тот, говоря о Гессе, все время плакал.

10 июня 1941 года. Что за странная годовщина нашего вступления в войну! Муссолини произносит по адресу Германии самые грубые обвинения, которые я когда либо слышал от него. Муссолини агрессивен — это всегда было его характерной чертой. «Я лично уже сыт Гитлером и его образом действий. Эти совещания, которым предшествует звон колокольчика, мне не нравятся; в колокольчик звонят, когда вызывают слуг. И кроме того, что это за совещания? В течение пяти часов я бываю вынужден слушать монолог, который является совершенно бесплодным и нудным. Он часами говорит о Гессе, о Бисмарке, о вопросах более или менее относящихся к войне, но он никогда не об'являет повестки дня; он никогда не исследует ни одной проблемы до конца и не делает никаких решений. В настоящее время с этим ничего не поделаешь. Сегодня в Палате я буду льстить немцам, но мое сердце наполнено горечью».

21 июня 1941 года. Судя по многим признакам, можно предположить, что военные действия против СССР готовы начаться. Идея войны против СССР сама по себе популярна, так как дата падения большевизма считалась бы одной из важнейших дат во всем цивилизованном мире.

22 июня 1941 года. В 3 часа утра Бисмарк (советник немецкого посольства в Риме) привез мне длинное послание от Гитлера к Дуче, об'ясняющее мотивы его действий (вторжение в СССР), и хотя письмо начинается обычным заверением в том, что Великобритания войну проиграла, тон его далек от обычной надменности.

Завтра Муссолини направит свой ответ Гитлеру. Дуче больше всего хотелось бы, чтобы в войне принял участие один из наших контингентов, но, судя по тому, что пишет Гитлер, ясно, что он был бы рад обойтись без нас.

29 июня 1941 года. Немецкие бюллетени описывают победы в СССР в простых и восторженных выражениях. Риббентроп также сообщил по телефону Альфиери, что ход наступления превзошел самые оптимистические предсказания. Несмотря на это, кажется, что Риббентроп в очень дурном настроении. Альфиери об'ясняет, что причиной этого служит внутренний немецкий конфликт.

1 июля 1941 года. Кажется, что у Минска немцы встретили сильное советское сопротивление, что очень нравится Дуче. Он говорит: «Я надеюсь только на одно, что в этой войне на востоке немцы потеряют много своих перьев. Было бы ложью

говорить об анти-большевистской борьбе. Пусть он прямо скажет, что он хочет победить огромную потенциальную мощь с пятидесяти-двух тонными танками, которая готовилась свести с ним счеты».

15 июля 1941 года. Мы получили подробности о сдаче Дебра Тапор (Эфиопия). За 8 недель наши потери составляют 2 человека убитыми и 4 ранеными — из 4000. Несмотря на это, сдача произошла с полным почетом. Муссолини уверяет, что это является одной из «классических итальянских комбинаций». Наши войска нашли эту форму сдачи, — которая спасает их шкуры и которой легко добиться от корыстных англичан, избавляющих себя таким образом от лишних жертв и потерь, — удобной.

20 июля 1941 года. Дуче продолжает свои анти-немецкие выпады. Сегодня он сказал, что до сих пор мы еще не принадлежали к вассальным нациям. И если этого нет еще сегодня, то так будет в день окончательной победы Германии. Немцы коварны и не имеют сдерживающих начал. В настоящее время сделать ничего нельзя. Мы находимся на этом пути и мы должны оставаться на нем. Но мы должны надеяться на два обстоятельства: что война будет долгой и опустошительной для Германии и что она может окончиться компромиссом, который спасет нашу независимость.

21 июля 1941 года. Гитлер прислал Дуче длинное письмо. Оно представляет собой обзор военных операций в СССР, ход которых, по его мнению, благоприятен. Это широкий военно-политический обзор, в заключение которого, — это и является фактической причиной присылки этого письма, — Гитлер просит о нашей помощи ему воздушными силами и флотом Я не думаю, чтобы эта просьба усилила бы во многих наших кругах расположение к Германии.

22 сентября 1941 года. Я возвратился к Муссолини после долгого отсутствия, вызванного горловой операцией. Это были два месяца практического бездействия, без связи с Дуче, за исключением очень печального дня смерти Бруно (сын Муссолини, который погиб во время несчастного случая при экспериментах с аэропланом нового типа). Я нашел вождя здоровым физически и духовно. От этого удара он уже оправился. Как и всегда, главной темой его разговора были военные события. Он сказал, что итальянский народ обеспокоен тем, что не участвует в войне в большом масштабе на советском фронте. Я не мог с этим согласиться. Народ не заинтересован в этой войне с СССР и истинной причиной жалкого состояния нашего народа является недостаток питания.

24 сентября 1941 года. Я видел рапорт об обращении с нашими рабочими в Германии. В некоторых лагерях, в добавление к побоям, применяются большие сторожевые собаки, которые обучены кусать за ноги тех рабочих, которые оказываются виновными хотя бы в ничтожных проступках. Если бы такого рода сообщение было известно итальянцам, они бы взбунтовались.

26 сентября 1941 года. Сообщения о собаках, натравливаемых на наших рабочих, дошли также и до Дуче, и он этим потрясен и расстроен. «Такого рода обстоятельства должны вызвать в моем сердце большую ненависть к немцам. Я могу ждать много лет, но, в конце концов, я сведу с ними счеты. Я не позволю, чтобы сыновья народа, давшего человечеству Цезаря, Данте и Микель Анджело, разрывались бы гуннскими ищейками.»

11 октября 1941 года. Дуче больше всего озабочен нашим отсутствием, — или практическим отсутствием, — на восточном фронте. Он хочет послать туда в октябре 20 дивизий и Кавальеро поддерживает его в этом. Но не говоря уже о том, что и к весне мы ни в коем случае не смогли бы иметь наготове 20 дивизий, было ли бы мудро с нашей стороны посылать туда те небольшие силы, которые мы еще имеем и которые являются нашей единственной защитой? Король решительно протестует против этого предложения.

20 июля 1941 года. Альфиери сообщает о долгом совещании с фон Риббентропом, певшем свою обычную песнь: победа почти достигнута, советская армия разбита, Англия доживает свои последние дни. И, однако, на подступах к Москве немецкие танковые дивизии остановились. Тем временем приближается зима и военные действия скоро станут очень ограниченными.

22 октября 1941 года. Дуче все больше и больше настаивает на посылке наших войск в СССР, указывая контингент из 15 дивизий. Он дал мне инструкции: во время нашей встречи с Гитлером, которая должна состояться в субботу, поговорить с ним на эту тему, настаивая на том, чтобы контингент наших рабочих в Германии был бы заменен солдатами.

25 октября 1941 года. Я прибыл в главную квартиру. На станции меня встретил фон Риббентроп, а у входа в укрепленную хижину Гитлера — он сам. Я нашел его в прекрасном состоянии тела и духа. Он очень вежлив или, может быть, я сказал бы, даже дружественен.

Фон Риббентроп говорил странным, таинственным тоном. Обычно он очень сдержан и держит себя с достоинством, так что все это меня удивляет. Он до того дошел, что даже сам занялся устройством моих личных удобств. В Тоскане говорят,

что когда люди занимаются вами больше, чем обычно, они готовы вас обмануть или уже обманули.

1 ноября 1941 года. От Гитлера прибыло письмо. Больше всего Муссолини поразило то, что фюрер, на протяжении всего длинного текста, едва упомянул о наших дивизиях. Немного политики и большой обзор военного положения. Он опасается высадки англичан в Корсике, Сицилии и Сардинии и предлагает нам всю свою поддержку. В основном, немцы нам не доверяют и, по моему, данное письмо доказывает это. Тем не менее, оно представляет собой документ человека, осведомленного о том, что могло бы случиться, и который не свободен от сильного беспокойства.

9 ноября 1941 года. С 19-го сентября мы оставили попытки добиться конвойного пути в Ливию. Сегодня вечером мы попытались снова; с каждым днем Ливия все больше и больше нуждается в аммуниции, оружии и топливе. А у нас остался караван, состоящий из 7 судов, сопровождаемый 2-мя 10000-тонными крейсерами и 10-ю истребителями. Недавно произошла битва, исход которой необ'ясним. Я хочу сказать, что все наши корабли и 2-3 истребителя потоплены. Потопив их, британцы вернулись на свои базы. Естественно, что сегодня наши различные штаб-квартиры создают свои обычные «неизбежные» и воображаемые потопления британских крейсеров с помощью торпедных аэропланов, но никто этому не верит. Сегодня утром Муссолини находится в подавленном и негодующем настроении. Это сильно отзовется на Италии, Германии и, больше всего, на Ливии.

10 ноября 1941 года. Фотографии, снятые нашими разведочными аэропланами, показывают 4 английских корабля, пришвартованных в порту Мальты. Тем не менее, в бюллетене сообщается, что один из этих крейсеров поврежден.

Муссолини все еще обескуражен и прав, считая вчерашний день самым унизительным с начала войны. «В течение 18 месяцев я ждал приятных сообщений, но так их и не дождался.»

12 ноября 1941 года. В морском штабе потрясены тем, что произошло в Средиземном море, но при теперешнем командовании ожидать чего нибудь лучшего — невозможно. Весь флот знает и твердит, что адмирал Риккарди обязан своим положением помощи со стороны синьоры Петаччи (матери любовницы Муссолини), и, конечно, это не просто слухи, распространяемые с целью ослабления его престижа.

20 ноября 1941 года. Риккарди использовал удобный случай при выборах коммерческого атташе в Испанию, чтобы стреми-

тельно напасть на доктора Петаччи, — брата этой женщины, пользующейся дурной репутацией, — который, по его мнению, является крупным спекулянтом. Чтобы подкрепить свое заявление, он повторяет фразу, сказанную генеральным инспектором полиции, Лето: «Доктор Петаччи приносит Дуче больше вреда, чем 15 битв.»

3 декабря 1941 года. Изумительный шаг японцев. Посол попросил у Дуче аудиенции и прочитал ему длинную декларацию о ходе их переговоров с Америкой, включая и то, что они зашли в тупик. Затем, ссылаясь на соответствующую статью Тройственного пакта, он просит Италию объявить войну Соединенным Штатам, — как только этот конфликт начнется, — и предлагает также подписать с Японией пакт о незаключении сепаратного мира. Дуче дал ему свое принципиальное согласие, оставив за собой право обсудить этот вопрос с Берлином. Дуче был доволен этой новостью и сказал: «Итак, мы пришли к войне между континентами, которую я предвидел с сентября 1939 года». Что означает это новое событие? Дело в том, что Рузвельту его маневр удался. Не будучи в состоянии прямо вступить в войну, он добился успеха, придя к ней косвенным путем — вынудив японцев напасть на него.

7 декабря 1941 года. Мрачные сообщения из Ливии. Наши войска больше не в состоянии оказывать длительное сопротивление.

Сегодня утром Дуче был сильно раздражен ничтожностью потерь в Восточной Африке (солдаты скорее предпочитали сдаваться в плен, чем умирать). В ноябре убитых у Гондара было 67, а сдавшихся в плен — 10000. Не приходится слишком долго размышлять, чтобы понять, что означают эти цифры.

8 декабря 1941 года. Ночной телефонный вызов от Риббентропа; он рад нападению японцев на Соединенные Штаты. Он, действительно, так счастлив, что я не могу удержаться от того, чтобы его не поздравить. Наверное лишь одно: Америка теперь вступит в войну и эта война будет достаточно долгой, чтобы позволить ей пустить в ход всю ее потенциальную мощь.

Кажется, что дела в Ливии немного улучшились. Кавальеро, а также и адмирал Риккарди объявили мне о большой морской операции против блокады. Все суда и все адмиралы в море. Господи, помоги нам!

11 декабря 1941 года. Муссолини произнес с балкона речь, — краткую резкую речь, которую слушала большая толпа. Позиция — весьма про-японская. Однако, демонстрация прошла без большого энтузиазма. Не следует забывать, что это было в 3 часа пополудни, люди были голодны, а день был очень холодным.

13 декабря 1941 года. Обычное несчастье во флоте. Сегодня мы потеряли два 5000-тонных крейсера, а также два больших транспортных судна, груженных танками, предназначенными для Ливии. Это произошло раньше, чем большой караван (в сопровождении боевых кораблей) вышел в море.

19 декабря 1941 года. Несмотря на официальный оптимизм нашего Генерального штаба, из Ливии приходят все еще неутешительные сообщения. Черт побери раболепных оптимистов! Это они «жарили нашего гуся». Тем временем Роммель объявил, что он, со скудным вооружением, пробьется в Тунис, потому что не желает стать пленником англичан. Кавальеро продолжает клясться, что никто и ничто не заставит его отступить, и Муссолини ему верит.

22 декабря 1941 года. На повестке дня — ликвидация Браухича. Английские и американские радиопередачи ни о чем, кроме этого, не говорят. Немецкое посольство этим сообщением потрясено. Муссолини напал на праздник Рождества. Он удивляется, что немцы еще не упразднили этот праздник, «напоминающий лишь о рождении одного еврея, который дал миру ослабляющие и безжизненные теории и которому особенно удалось обманывать Италию с помощью разлагающей власти пап».

6 января 1942 года. Муссолини негодует на немцев по двум причинам: потому что генерал Шмидт, взятый в плен в Бардии, заявил корреспондентам «Дэйли Гералд», что он не смог держаться потому, что командовал итальянскими солдатами. Но инициатива в сдаче возникла у самого Шмидта. И второй причиной является та, что согласно сообщению Антонеску, немцы забрали из Румынии нефть, предназначавшуюся для нас. Вот почему Муссолини назвал их «разбойниками с большой дороги.»

11 января 1942 года. Нервы Германии напряжены. Немецкие опровержения, сделанные в иностранной прессе относительно внутренних беспорядков, являются их подтверждением. Дуче находит это предосудительным. Он говорит: «Если бы я отрицал, что дрался на дуэли с наследником трона, люди в действительности начали бы верить обратному.» Альфиери телеграфирует, что дивизии, снятые с советского фронта, оставлены в оккупированных областях, но не возвращены в Германию из опасения, что они будут распространять пропаганду.

22 января 1942 года. Осио, основатель Трудового Банка, выгнан со своего поста. Кажется, что Осио сделал какое-то замечание, не совсем лойяльное, а некоторые говорят, что у него была ссора с братом Петаччи по деловым вопросам. Дейст-

вительно, Осио говорил об этом, до некоторой степени, слишком свободно, называя его (Петаччи) «Лоренцино де Медичи».

25 января 1942 года. Муссолини жалуется на поведение немцев в Италии. Перед ним лежит запись телефонного разговора одного из адъютантов Кессельринга с Берлином, который называл нас «макарони» и надеялся, что Италия станет также оккупированной страной. Дуче держит целую папку этого материала, чтобы «использовать его, когда настанет подходящий момент.» Между прочим, он сильно возражает против предложения Клодиуса послать в Германию еще итальянских рабочих. Немцы хотели бы увеличить их число с 200000 до 325000. Это слишком много. Более того, это невозможно, потому что наши трудовые резервы истощаются и нам скоро придется призвать к труду новые общественные классы.

2 февраля 1942 года. Завтрак с Герингом у Кавальеро. Как и всегда, Геринг держал себя надменно и повелительно. Он не сказал ничего, достойного упоминания. Действительно, очень печально, что наши высшие военные раболепствуют перед ним. Следуя примеру этого настоящего клоуна Кавальеро, который мог бы дойти до того, что поклонился бы общественной уборной, будь это ему выгодно, три высших чина нашего Генерального штаба вели себя сегодня в присутствии этого немца так, как будто бы он был их хозяином.

4 февраля 1942 года. Обед с Герингом в отеле «Эксцельсиор» Геринг мало о чем говорил, кроме своих драгоценностей. Мне рассказывали, что он играет своими драгоценностями, как маленький мальчик — мраморными шариками. В пути он нервничал, так что его адъютант принес ему маленькую вазу, наполненную бриллиантами. Он разложил их на столе, сосчитал их, выложил их в ряд, смешал и снова стал счастлив. Вчера вечером один из его офицеров сказал: «у него два пристрастия — прекрасные вещи и война». Оба являются дорогими. На вокзале на нем была большая соболья шуба — что-то среднее между тем, что автомобилисты носили в 1906 году и тем, что проститутки высшего класса надевают в оперу.

25 февраля 1942 года. Имеются некоторые признаки трений между немцами и японцами.

Муссолини, который настроен про-японски, особенно вследствие его анти-германизма, выражает свое удовлетворение. «Японцы не являются таким народом», сказал он, «с которым немцы могут позволять себе такие вольности, как вызов императора или премьер-министра с постели в 2 часа ночи, с целью объя-

вить им о решении, которое не только уже сделано, но и проведено в жизнь.»

24 марта 1942 года. Я привез Дуче рапорт о Германии, составленный Лючиолли (итальянский дипломат в Германии). Даже Муссолини сказал, что он «уже давно не читал ничего настолько важного и многозначительного». Он прав. После упоминания о жалком внутреннем положении страны, Лючиолли объясняет, как могло произойти, что война не получила полити, ческой поддержки. Много говорилось о «новом порядке», но ничего не было сделано, чтобы провести его в жизнь. Враги Германии беспрерывно умножаются, хотя в данный момент они не могут предпринять какие либо действия, кроме выражения своей ненависти.

Лючиолли говорит, что в настоящее время в Германии возникают мысли о возможном поражении. Поэтому немцы хотят чтобы все страны на континенте были бы настолько истощены, чтобы, даже в случае поражения Германии, последняя осталась бы относительно сильнее их. Дуче поражен этой идеей и говорит, что к концу 1943 года он будет иметь в долине реки По 15 превосходных дивизий. Очень хорошо. Я ответил ему, что эта война идет на истощение. Все может случиться. Следовательно, необходимо подготовить наши силы и держать их на родине. Когда нибудь, — может быть, довольно скоро, — небольшая, но крепкая армия, находящаяся в чьем-либо распоряжении, сможет решить судьбу Европы.

29 марта 1942 года. Гастальди, бывший федеральный секретарь Турина, пришел ко мне и рассказал историю разногласий с одним из своих партнеров. Как и обычно, в это дело впуталась семья Петаччи. Она вмешивается во все дела, дарует политическую протекцию, угрожает действиями сверху, интригует снизу и действует тайком на все четыре стороны. Об этом по секрету, несколько минут тому назад, сообщил мне шеф жандармерии Черрика. Без сомнения, этот скандал распространится и в него будет включена личность Дуче .. Но что можно сделать, чтобы его предупредить, особенно, когда его самые близкие сотрудники прячут про запас большие суммы денег? Тем не менее, поскольку это касается меня, я хочу держаться в стороне от всего этого, и из уважения к Дуче, могу грубо оборвать каждого, кто заговорит со мной об этом.

13 апреля 1942 года. У меня был долгий разговор с доньей Эдвигой (старшей сестрой Муссолини). Она хотела облегчить передо мной свое сердце, в связи с вопросом, — ставшим теперь национальным делом, — о семье Петаччи. Она сказала, что

имеет в руках доказательства темных сделок, проводимых семьей Петаччи, в результате которых она опасается большого скандала. Она решила познакомить с этим вопросом Дуче.

24 апреля 1942 года. Маккензен принес Дуче предложение встретиться с Гитлером в конце месяца в Зальцбурге. Муссолини хотел бы отложить эту встречу до 1-го мая. Гитлер сообщил по телефону, что такое промедление невозможно «по причинам, от его желания независящим». Таким образом, это свидание назначено на 29 апреля, в 13 часов.

Риккарди излил свои чувства к брату Петаччи и к его банде. Он сказал, что открыто говорил об этом с Дуче. Я слушал его с нетерпением. Я не хочу пачкать в этом деле свои руки.

29 апреля 1942 года. Прибытие в Зальцбург (станция Пух). Обычная сцена — Гитлер, Риббентроп, обычная свита, обычные церемонии.

Встреча очень дружественная. Вежливость немцев всегда проявляется в отношении, обратном их удаче. Гитлер выглядит усталым, но сильным, решительным и разговорчивым. Все же, зимняя война в СССР отразилась на нем тяжело. Я впервые вижу у него много седых волос.

Гитлер говорил с Дуче в одной комнате, а я с фон Риббентропом — в другой, но темы у нас были одни и те же.

30 апреля 1942 года (продолжение 29 апреля). Когда советские источники нефти иссякнут, СССР будет поставлен на колени. Тогда британские консерваторы, и даже сам Черчилл, поклонятся, чтобы спасти то, что еще осталось от их искалеченной империи. Так говорит Риббентроп. Но что если англичане, которые очень упрямы, решат продолжать? Какой политики надо придерживаться, чтобы изменить их мышление? Аэропланы и подводные лодки, — говорит Риббентроп.

Америка — это большой блеф. Это повторяют и стар и млад. По моему, мысль о том, что американцы могут сделать и что они сделают — беспокоит немцев, которые, чтобы, не видеть этого, закрывают свои глаза.

Гитлер говорит, говорит, говорит и говорит. Муссолини страдает — он, который сам привык говорить. На второй день, когда все уже было сказано, Гитлер говорил непрерывно в течение 1ч. 20минут. Он абсолютно не упустил ни одной темы: война и мир, религия и философия, искусство и история. Муссолини автоматически поглядывает на свои ручные часы, я думаю о своих делах, и только Кавальеро, который является феноменом подхалимства, притворяется, что слушает в экстазе. Генерал Иодль, после стоической борьбы с самим собой, нако-

нец, засыпает на диване. Кайтель тоже дремал, но ему удавалось держать голову прямо.

12 мая 1942 года. Кавальеро дает краткую схему нашей программы проведения военных действий в Средиземном море. В конце месяца Роммель поведет в Ливии наступление.

18 мая 1942 года. Дуче попросил меня по телефону сказать Эдде, чтобы она «никому не рассказывала — абсолютно никому — о том, что она видела в Германии». Объяснением этому служит то, что король сказал ему: «Весь Рим знает о том, что в одном итальянском госпитале лежит итальянский рабочий с отрубленными пальцами и что ваша дочь заявила об этом энергичный протест Гитлеру». Дуче обдумал это замечание короля и сознает, что это является маневром посеять в итальянском народе чувство негодования по отношению к немцам, используя этот благоприятный случай.

26 мая 1942 года. Муссолини теперь интересуется только наступлением в Ливии, по поводу которого он крайне оптимистичен. Он уверяет, что Роммель «дойдет до дельты Нила», если его не остановят, «не британские генералы, а наши».

1 июня 1942 года. Относительно нашего наступления в Ливии Муссолини выражается сдержанно. В немецком посольстве ходом этого дела недовольны. Кажется, что Тобрук стал сильным препятствием и, все же, Кавальеро говорил о Каире! Хотя, правда, в тот день, когда началось наступление, он благоразумно слег в постель с приступом инфлуэнцы.

6 июня 1942 года. Кавальеро считает положение в Ливии «логическим». Тем временем он остается в постели со своей странной и довольно подозрительной болезнью.

21 июня 1942 года. Тобрук пал и англичане оставили в наших руках 25000 пленных. Это большой успех для нас, открывающий нам новые возможности.

Риккарди возобновил свои энергичные нападки на Клару Петаччи. Он донес также о незаконных перевозках золота. Риккарди, будучи очень энергичным и упорным, способен начать скандал. Посмотрим, что из этого выйдет.

22 июня 1942 года. Сегодня утром сестра Петаччи вышла в Риме замуж, и об этом событии говорят по всему городу. Разговор идет о богатых и фантастических подарках, массе цветов и лукулловских банкетах. Большая часть этого, вероятно, фантазия, но разговоры о свадьбе идут и с этим надо считаться.

26 июня 1942 года. Муссолини очень доволен ходом дела в Ливии, но недоволен тем, что эта победа является, скорее, гер-

манской, чем итальянской. Также и производство Роммеля в фельдмаршалы, «которое Гитлер, очевидно, сделал, чтобы подчеркнуть германский характер битвы», причиняет Дуче много боли. Естественно, что он вымещает это на Грациани, который «всегда находился в подземной римской могиле на глубине 70 футов, в Киренаике, в то время, как Роммель знает, как вести свои войска личным примером генерала, живущего в танке».

29 июня 1942 года. Муссолини отправился в Ливию. Я видел Риккарди, который подробно рассказал мне о своем разговоре с Дуче по вопросу золотых операций Петаччи. Кажется, что шеф этим очень разгневан и приказал доктору Петаччи в будущем от такого рода действий воздерживаться. Посмотрим. Может быть, Риккарди слишком высоко возносит себя. Он сказал: «в то время, как я разговаривал с Дуче, передо мной стоял униженный человек. Мы больше не стояли на одной и той же ступени. Я был, по крайней мере, двумя ступенями выше». Зная Муссолини, думать, что находишься двумя ступенями выше него — очень опасно.

6 июля 1942 года. Атмосфера внимания к временному затишью у Эль Аламейна. Опасаются, что после того, как импульс этого крупного наступления окончится, Роммель больше не сможет продвигаться дальше, а всякий, остановившийся в пустыне, действительно пропал. Мне сообщили, что в военных кругах имеет место сильное недовольство немцами, из-за их поведения в Ливии. Они захватили всю добычу. Единственным, кому удалось захватить себе значительную долю, был, конечно, Кавальеро. Он способен надуть даже немцев.

8 июля 1942 года. Я видел Себастьяни, бывшего секретаря Муссолини, которого я уже давно не встречал. Он взволнован тем, что на его просьбу об аудиенции, Дуче ответил отказом. Причиной этого он считает дурное влияние со стороны Петаччи. Он думает, что Дуче будет трудно бороться с создавшимся положением («девушка не плоха, но остальные члены семьи — шайка вымогателей!»).

21 июня 1942 года. Дуче в хорошем настроении; особенно он доволен тем, что через 2—3 недели мы сможем возобновить свой поход в Египет и достичь крупных целей: дельты Нила и Суецкого канала.

2 августа 1942 года. Эдда стремительно напала на меня, говоря, что моя ненависть к немцам известна всюду, особенно среди самих немцев, которые говорят, что «они чувствуют ко мне физическое отвращение». Я не могу понять, почему Эдда так волнуется. Обычно, если она делает это, то очевидно, что

кто-то на нее подействовал. Я почти ничего ей не ответил. В конце концов, она очень хорошо знает, какие у меня на этот счет чувства. И я не единственный . . .

15 августа 1942 года. Римский праздник середины лета; город пуст, как и обычно. Люди не хотят изменить свои обычаи и все хотят хорошо провести время. Война? Они стараются позабыть о ней.

31 августа 1942 года. Вчера вечером, в 8 часов, Роммель начал в Ливии наступление. Он хорошо выбрал день и час, когда атаки никто не ожидал и на столах у англичан был виски. Муссолини весьма оптимистичен.

2 сентября 1942 года. Из-за недостатка горючего, Роммель в Египте остановился. За два дня было потоплено три наших танкера для горючего. Кавальеро поддерживает ту точку зрения, что это не изменит течения событий.

3 сентября 1942 года. Бездействие Роммеля продолжается и, что еще хуже, наши корабли продолжают итти ко дну. Муссолини в мрачном настроении. Он страдает от болей в желудке. Вчера его осматривал радиолог. У него нет ничего серьезного, кроме гастрита, который действует болезненно и расслабляюще. Вчера Дуче отправил телеграмму промышленным рабочим. Он хвалит их и неистово угрожает другим жадным и эгоистичным группам. Все думают, что он, как и обычно, намекает на средние классы, но наоборот, он нанес удар крестьянам.

27 сентября 1942 года. После долгого отсутствия, я снова виделся с Дуче. Я нашел его похудевшим, но стойким. Как и всегда, он спокоен, но сознает, что военные события глубоко врезались в мораль населения страны; особенно на него повлияло сопротивление Сталинграда. Меня посетил Роммель, сообщивший, что он уезжает на 6 недель в отпуск. Муссолини убежден, что назад Роммель не вернется. Он находит, что Роммель потрясен физически и морально.

8 октября 1942 года. Муссолини очень обеспокоен позицией немцев в оккупированных странах, особенно в Греции. Немцы любой ценой стараются создать затруднения и беспорядок. Дуче сказал: «У меня нет сомнений в ходе войны. Если же мы войну проиграем, это будет из-за политической глупости немцев, которые сделали всю Европу пылающей и предательской, как вулкан».

24 октября 1942 года. Англичане начали в Ливии наступление. В настоящий момент наши дела не плохи.

25 октября 1942 года. Дуче, намеревавшийся 29-го октября говорить на большом собрании партийных вождей, свое на-

мерение отменил. В чем дело? Для этого имеется 3 ходячих объяснения: 1) что доктора запретили ему напрягать себя длительной речью; 2) что он ничего не хочет сказать до тех пор, пока положение в Ливии выяснится; 3) что он намерен произвести большие перемены в партии. Я лично склонен ко второму толкованию.

3 ноября 1942 года. Новая и более сильная английская атака делает наше положение в Ливии очень опасным. Наши войска устали, а военное снабжение прибывает только случайно.

4 ноября 1942 года. После долгого перерыва, я видел Кавальеро. Он рассказал мне, как идут дела в Ливии. Два дня тому назад Роммель хотел начать отступление, но Гитлер приковал его к месту приказом: «показать войскам путь к победе или к смерти». Муссолини сделал то же самое по отношению к нашим войскам.

5 ноября 1942 года. Ливийский фронт рушится. В «Палаццо Венеция» я видел Дуче. Его лицо вытянулось; у него усталый вид. Но он еще держится. Он считает положение серьезным, но у него еще есть некоторая надежда, что англичан можно удержать на линии Фукра — Эль Катарра.

6 ноября 1942 года. Ливийское отступление все больше и больше принимает характер бегства. Даже Дуче сказал, что при существующем положении дел Ливия, вероятно, будет потеряна, и быстро добавил, что «с некоторых точек зрения это будет преимуществом, потому что эта область стоила нам нашего транспортного флота, и нам лучше сосредоточить наши войска для защиты самой Италии». Сегодня мы не можем сказать на какой линии мы будем пытаться оказывать сопротивление, даже не принимая во внимание возможных атак с запада, а, согласно имеющимся данным, оттуда движется исключительно крупная флотилия. Муссолини спросил меня: продолжаю ли я до сих пор писать свой дневник? Когда я ответил утвердительно, он сказал, что этот дневник послужит доказательством того, как немцы — и в военной, и в политической областях — действовали всегда, не доводя до его сведения о своих операциях. Но что в действительности скрывается под этим странным вопросом?

7 ноября 1942 года. Сегодня Дуче считает наше положение благоприятным. Но что он будет делать, или лучше, что будут делать различные флотилии, прошедшие через Гибралтар и направляющиеся на восток? На этот счет имеются различные предположения. Согласно немецким сообщениям, — подвоз снаряжения на Мальту или попытка высадиться в Триполи-

тании, чтобы ударить Роммелю в тыл; согласно сообщениям нашего Генштаба, — оккупация французских баз в Северной Африке. Дуче держится того же мнения; он действительно думает, что высадка будет проведена американцами, которые почти не встретят сопротивления со стороны французов. Я разделяю мнение Дуче. Все это для нас исключительно серьезно.

8 ноября 1942 года. В 5 часов утра Риббентроп сообщил мне по телефону о высадке американцев в алжирских и марокканских портах. Он хотел знать, что мы намерены были делать. Должен признаться, что я был достаточно сонным, чтобы дать ему достаточно удовлетворительный ответ.

9 ноября 1942 года. Ночью звонил по телефону фон Риббентроп. Или я, или Дуче должны, как можно скорее, приехать в Мюнхен. Лаваль будет тоже там. Пора подумать о нашем поведении по отношению к Франции. Я разбудил Дуче. Он не очень стремится ехать туда, особенно потому, что он еще чувствует себя не совсем хорошо. Поеду я, и вот мои инструкции: если Франция готова лойяльно сотрудничать с нами, она получит от нас всю возможную помощь; если же, с другой стороны, она будет лавировать туда и сюда, мы намерены предпринять меры предосторожности: оккупацию свободной зоны и высадку в Корсике.

В Мюнхене фон Риббентроп встретил меня на вокзале. У него усталый вид; он похудел; вежлив. Лаваль прибудет ночью.

Вечером я имел первую беседу с Гитлером. Он не возлагает больших надежд на желание французов воевать, а среди мятежников находится генерал Жиро, обладающий умом и храбростью. Он, Гитлер, послушает, что скажет Лаваль. Но, что бы тот ни сказал, это не изменит его уже сложившейся точки зрения: полная оккупация Франции, высадка дессанта в Корсике и создание предмостного укрепления в Тунисе. Гитлер не нервничает и не беспокоится, но он и не недооценивает американской инициативы и хочет встретить ее со всеми рессурсами, находящимися в его распоряжении. Геринг, не колеблясь, заявил, что оккупация Северной Африки представляет собой первую победу союзников с начала войны.

12 ноября 1942 года. Продвижение итало-германских войск во Франции, а также и в Корсике, продолжается, не встречая ни малейшего сопротивления. Французский народ совершенно непонятен. Я ожидал проявления каких нибудь признаков протеста, по крайней мере, ради чести флага. Но ничего подобного нет. Только французский военный флот сообщил нам, что он остается верным Виши и что он не желает оккупации Тулона

войсками Оси. Немцы на это согласны, и даже охотно. Дуче, однако, не доверяет их слову и думает, что когда-нибудь мы проснемся и найдем порт Тулон пустым.

Роммель продолжает отступать из Ливии с головокружительной быстротой. Имеются значительные недоразумения между итальянскими и немецкими войсками. В Хальфайя они даже стреляли друг в друга, потому что немцы забрали все наши грузовики, чтобы отступать еще скорее, оставляя наши дивизии в пустыне, где массы людей буквально умирают от голода и жажды.

17 ноября 1942 года. Дуче убежден, что в ближайшие дни в Африке наступит кризис к лучшему, или худшему. Одна американская колонна находится в Сфоксе или в его окрестностях; другие колонны продвигаются в Бизерту и Тунис. Позиция французов очень двусмысленна, и мы должны ожидать скорее враждебности, чем индифферентности. Если Тунис падет, мы потеряем свое последнее укрепление.

27 ноября 1942 года. Важным событием дня является оккупация Тулона немецкими войсками. Ночью Дуче получил от Гитлера сообщение о принятом решении. Это сообщение прибыло по военной линии, и до полудня я о нем ничего не знал, пока Кавальеро сообщил мне об этом по телефону. Никто еще не знает как все это произошло. Верно лишь следующее: имело место значительное сопротивление и французский флот полностью ускользнул. Для нас, итальянцев, в этом есть одно преимущество: военно-морская мощь в Средиземном море была уничтожена на много лет вперед.

1 декабря 1942 года. После перерыва в 10 дней, я снова виделся с Дуче. Он похудел, но остался энергичным и оживленным. Несколько позже он прислал мне сообщение о своем разговоре с Герингом. Немцы пошлют в Африку 3 броневых дивизии: «Адольф Гитлер», «Герман Геринг» и «Дейтшланд» — «три имени, которые так много значат для немецкой чести». Положение в Ливии — запутанное. Все находится во власти англичан, которые быстро берут инициативу в свои руки и легко могут выбить нас с нашей теперешней линии защиты.

15 декабря 1942 года. Поздно вечером Маккензен попросил свидания со мной. Он сделал новое предложение о встрече с Гитлером. Гитлер не может покинуть главного командования и не может отложить это свидание. И поскольку он не хочет подвергать Дуче такому длинному пути — почти до самой границы Литвы, — он приглашает меня вместе с Кавальеро приехать к нему как можно скорее.

16 декабря 1942 года. Ехать должен я, и на этот раз меня снабжают точными инструкциями. Муссолини озабочен тем, чтобы дать Гитлеру понять, что он настоятельно советут ему придти к соглашению с СССР или, по крайней мере, остановиться на линии защиты, которую можно было бы держать небольшими силами. 1943-й год будет годом англо-саксонских действий. Муссолини считает, что Ось должна иметь под рукой как можно большее число дивизий, чтобы защищаться в Африке, на Балканах и, может быть, даже и на западе.

18 декабря 1942 года. В лесу около Герлица атмосфера очень напряженная.

Когда я прибыл туда, никто не старался скрыть от меня или от моих сотрудников неприятных сообщений о прорыве на советском фронте. Были обнаружены попытки порицать за это нас.

19 декабря 1942 года. Лаваль предпринял эту поездку ради спасения собственной шкуры. Каждый раз, как только он пытался говорить, фюрер прерывал его и пускался в долгие рассуждения (я думаю, что в глубине души Гитлер был счастлив, потому что был Гитлером: это позволяло ему говорить все время). Лаваль — подлый француз, самый подлый изо всех французов. Чтобы добиться расположения немецких хозяев, он не колеблется продавать своих соотечественников и обесславливать свою несчастную страну.

22 декабря 1942 года. Вовратился в Рим. Нашел значительную панику, вызванную сообщениями с советского фронта, — в особенности потому, что Дуче, говоря со многими людьми о возможности мира с СССР, зажег в их сердцах надежду.

26 декабря 1942 года. Сегодня княгиня ди-Ганди, имевшая сердечную дружбу с Дуче, высказала мне свое откровенное мнение о делах Петаччи. Согласно ее слов, Муссолини уже устал от Кларетты, ее брата, сестры и всех остальных членов семьи, но он не может избавиться от них, потому что они дурные люди, готовые на вымогательство и создание скандала. Дуче сказал, что он никогда не любил эту девушку (Кларетту Петаччи), но теперь она ему даже «противна». Сколько правды в этом и сколько ее в усыпленной женской ревности? Во всяком случае, эта Ганди порицает Петаччи за все то, что делается сейчас в Италии, включая и нездоровье Дуче, что мне кажется, по правде говоря, немного преувеличенным.

4 января 1943 года. Я думаю о подарках Герингу ко дню его 50-летия. Дуче подарит ему золотой меч с мессинской резьбой, первоначально предназначавшийся для Франко, — но времена изменились. Я подарю ему звезду Св. Маврикия, усыпанную

бриллиантами (ранее предназначавшуюся для албанского короля и хранящуюся все время в сейфе).

20 января 1943 года. Продолжительный и интересный разговор с Амброзио и Верчеллино Эти два генерала — оба честные патриоты — очень озабочены тем, что произошло. Будучи убеждены, что Германия войну проиграет, они очень сильно нападают на Кавальеро. Я обещал им откровенно поговорить об этом с Дуче; это я могу и должен сделать, чтобы моя совесть оставалась чистой.

22 января 1943 года. Дуче думает, что сегодняшнее немецкое коммюнике является самым худшим за все время с начала войны. И, конечно, это совершенно верно. Бегство у Сталинграда, всюду отступление, а Триполи вот, вот падет. Кажется, что Роммель снова сманеврировал так, чтобы спасти свои войска, покинув итальянцев в беде. Муссолини очень раздражен и предполагает по этому вопросу объясниться с немцами.

30 января 1943 года. Амброзио занимает место Кавальеро, как начальника Штаба. Это хорошая перемена, вызванная честностью, событиями и чувством негодования всех итальянцев по отношению к человеку, который всегда лгал ради собственной выгоды.

5 февраля 1943 года. В 4.30 меня вызвал Дуче. В тот момент, как я вошел в комнату, я заметил, что он находится в замешательстве. «Что ты намерен теперь делать? — начал он и затем добавил, что он меняет весь кабинет министров. Причины я понимаю и нисколько не намерен возражать. Среди различных решений личного характера, которые он предложил мне, я решительно отверг губернаторство в Албании. Я предпочитаю быть послом при Его Святейшестве. Это место отдыха, которое, однако, может открыть в будущем большие перспективы. Покинуть Министерство Иностранных дел, где в течение 7-ми лет — и каких лет! — я старался делать все, что мог, было, конечно, сильным и печальным ударом для меня. Но это не так важно. Я знаю, как быть сильным и как глядеть в будущее, которое может потребовать даже еще большей свободы действий.

6 февраля 1943 года. Дуче сообщил мне по телефону, что он задерживает мое назначение к Его Святейшеству. «Скажут, что ты «выскочка», и ты еще слишком молод для этого». Но я, предвидя колебания Муссолини, уже направил посла Гуариглия, чтобы просить секретариат государства о моем назначении. Дуче принял совершившийся факт с безразличием.

8 февраля 1943 года. Я сдал свои дела в Министерстве Иностранных Дел. Затем я направился в «Палаццо Венеция»,

чтобы повидаться с Дуче и попрощаться с ним. Он мне сказал: «Теперь ты должен рассчитывать на то, что у тебя будет период отдыха. Твое будущее находится в моих руках и, следовательно, у тебя нет никаких оснований беспокоиться за него.» Он поблагодарил меня за все то, что я сделал, будучи на посту. «Если бы нам дали три года времени, мы могли бы объявить войну при других обстоятельствах или, может быть, вовсе не было бы нужды объявлять ее». Затем он спросил меня, все ли документы у меня в порядке. «Да», ответил я, «они все в порядке и помните, что когда настанут тяжелые времена, — потому что теперь видно, что тяжелые времена настанут, — я могу подтвердить документами все предательства немцев по отношению к нам. Если вам это потребуется, я могу дополнить их деталями или, еще лучше, в течение суток приготовлю ту речь, которую я имел у себя в голове в продолжение трех лет, ибо я лопну, если не произнесу ее.» Он молча выслушал меня и почти согласился со мной. Он пригласил меня заходить к нему почаще. «Каждый день». Наше прощание было дружеским, чему я был очень рад, потому что люблю Муссолини, очень люблю, и теперь мне больше всего будет недоставать контакта с ним.

(Последняя запись 23 декабря 1943 года). Если эти мои записки увидят когда нибудь свет, это будет лишь только потому, что, прежде чем немцы, с помощью низкой хитрости, сделали меня своим пленником, я принял меры предосторожности, чтобы поместить их в безопасное место. В то время, как я писал эти записки на скорую руку, я не имел намерения, чтобы они в таком виде попали в прессу; у меня было скорее желание зафиксировать события, подробности и факты, которые могли бы мне оказаться полезными в будущем. Если бы Провидение даровало мне спокойную старость, какой это был бы превосходный материал для моей автобиографии! Следовательно, эти записки являются не частью книги, а скорее сырым материалом, с помощью которого впоследствии могла бы быть написана книга.

Я хотел бы зафиксировать, достаточно подробно, ответственность за эти события как рядовых людей, так и правительства, но, к несчастью, это было невозможно, хотя в эти последние часы моей жизни мне пришла в голову такая масса деталей, что я хотел бы знать тех, кто завтра будут анализировать и судить события.

Через несколько дней фальшивый трибунал вынесет публичный приговор, который уже решен Муссолини, находящимся под влиянием тех кругов проституток и белых рабов, которые

в течение нескольких лет зачумляли итальянскую общественную жизнь и привели нашу страну к краю пропасти. Я спокойно подчиняюсь своей бесславной судьбе. Я нахожу некоторое утешение в мысли, что меня смогут считать солдатом, павшим в битве за идею, в которую я искренне верил... Тяжело подумать, что я никогда больше не смогу посмотреть в глаза своим трем детям или прижать к сердцу свою мать или жену, которая в часы моей печали оказалась сильным, верным и преданным мне товарищем. Но я должен преклониться перед волей Господа и мою душу охватит покой. Я готовлюсь к Высшему Судилищу.

В этом состоянии духа, которое исключает всякую ложь, я заявляю, что ни одно слово из того, что я записал в своем дневнике, не является ложным, преувеличенным или продиктованным чувством личной обиды. И если, готовясь распрощаться с жизнью, я рассчитываю на опубликование моих записок, написанных на скорую руку, это не потому, что я ожидаю посмертной переоценки своей репутации или реабилитации своего доброго имени, но потому, что я верю, что честные и правдивые свидетельства в этих печальных словах могут еще оказаться полезными, принеся облегчение невиновным и поразив тех, которые были ответственны за свои действия.

Галеаццо Чиано

23 декабря 1943 года, камера № 27 тюрьмы в Вероне.